

ПРАВООЗАЩИТНЫЙ ЦЕНТР "МЕМОРИАЛ"

MEMORIAL HUMAN RIGHTS CENTER

127051, Россия, Москва, Малый Каретный пер., д. 12

Тел. +7 (495) 225-3118

Факс +7 (495) 624-2025

E-mail: memhrc@memo.ru

Web-site: <http://www.memo.ru/>

ПРЕДИСЛОВИЕ

В целом доклад отражает положение, сложившееся в Республике Таджикистан к лету 1993 г. Более поздние события произошедшие к осени 1993 г. также отражены в докладе либо со специальными оговорками, либо в примечаниях.

Основой настоящего доклада стали материалы, полученные в результате работы с 26 мая по 8 июня 1993 г. в Таджикистане совместной исследовательской миссии Правозащитного центра «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч. Миссия работала во взаимодействии с группой официальных лиц Российской Федерации, в числе которых были: Председатель Комитета Верховного Совета РФ по правам человека, Председатель Подкомитета Верховного Совета РФ по гуманитарным проблемам, начальником Управления МИД РФ по международному гуманитарному сотрудничеству, сотрудником Комитета Верховного Совета РФ по правам человека, которые посетили Республику для ознакомления с положением в области прав человека в Таджикистане по официальному приглашению таджикского правительства. Представители ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч занимались также сбором информации независимо от российских официальных лиц до, во время и после посещения Республики. Выводы, к которым мы пришли, являются нашими собственными и никоим образом не отражают точку зрения российских властей, а также этой группы официальных лиц.

Во время нашего двухнедельного пребывания в Таджикистане мы беседовали, как вместе с российскими официальными лицами, так и без них, с должностными лицами из Министерства Внутренних дел (МВД), Прокуратуры и Комитета Национальной Безопасности (КНБ) Республики Таджикистан и Министерства Обороны Российской Федерации, сотрудниками дипломатических миссий, сотрудниками ООН и других международных организаций по оказанию помощи, журналистами, лицами пострадавшими от нарушений прав человека и их родственниками, свидетелями, бывшими беженцами и представителями местной администрации, заключенными, содержащимися в следственном изоляторе г. Душанбе. Мы посетили также ряд населенных пунктов в различных районах Республики Таджикистан.

ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч выражают признательность официальным лицам Министерства внутренних дел, Комитета национальной безопасности и Прокуратуры Таджикистана, которые нашли возможность встретиться с нами. Мы выражаем благодарность сотрудникам Верховного комиссариата ООН по делам беженцев (UNHCR) за их помощь и техническое содействие и многим другим людям, помогавшим нам во время работы в Таджикистане.

В состав миссии от Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч вошли Барнет Рубин, ассоциированный профессор политических наук Колумбийского университета; Рэчел Денбер, научный сотрудник организации; от ПЦ «Мемориал» — члены Совета ПЦ Евгений

Юрченко и Александр Соколов. Работавший в то время ведущим специалистом Комитета по правам человека Верховного Совета Российской Федерации Олег Орлов также является членом Совета ПЦ «Мемориал» и принимал участие в подготовке доклада.

Предварительный доклад, содержащий основные результаты нашей работы, а также выводы и рекомендации, был подготовлен Р.Денбер, О.Орловым, А.Соколовым на английском и русском языках и представлен общественности в Москве на пресс-конференции 27 июля 1993 г., разослан общественным и политическим деятелям, в государственные структуры Таджикистана, России и США. Полный текст доклада был написан на английском языке Р.Денбер и Б.Рубином под редакцией исполнительного директора Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч Джери Лэйбер и опубликован в США в декабре 1993 г.

Представляемый перевод на русский был авторизован и дополнен О.Орловым и А.Соколовым. Значительную помощь в подготовке доклада оказали сотрудники Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч Александр Петров, Кристина Дерри и ПЦ «Мемориал» Ян Рачинский и Иосиф Липкин.

ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч не ставят перед собой цель найти виновных в гражданской войне в Таджикистане. Настоящий доклад также не имеет целью представить информацию о нарушениях международного гуманитарного права (законов ведения войны), которые имели место во время вооруженного конфликта. Мы не касаемся в данном докладе проблем, связанных с вынужденным выездом из республики европейского населения, хотя и признаем их важность.

Мы выражаем мнение, что улучшение состояния в сфере прав человека ни в коей мере не может привести к обострению конфликта и ожидаем от правительства Республики Таджикистан шагов, направленных на кардинальное улучшение ситуации в этой области.

Выводы и рекомендации

Победив в разрушительной гражданской войне и сделав определенные шаги к обеспечению порядка и поддержанию стабильности в своей стране, правительство Республики Таджикистан не выполнило принятые на себя обязательства по обеспечению соблюдения международных стандартов прав человека и допустило грубые нарушения этих прав.

Властям Таджикистана не удалось добиться успеха в достижении национального согласия — одного из декларированных приоритетов; наоборот, они лишают людей свободы за участие в политической деятельности, запрещают независимые политические и общественные организации, поддерживавшие предыдущее правительство, и уничтожают независимую и оппозиционную прессу. ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч считают, что нынешние власти Таджикистана не только знают, но и несут прямую ответственность за пытки и жестокое обращение в следственных изоляторах.

Правительство допустило возможность осуществления «этнических чисток» и внесудебных расправ, до сих пор не пресекло возможность исчезновения людей, существование «неофициальных тюрем», этнической дискриминации в социально-экономической сфере.

Правительство не обеспечило гарантии личной безопасности и другие основные условия жизни для возвращающихся беженцев и вынужденных переселенцев, хотя и сделало определенные шаги в этом направлении.

Правительство допускает возможность существования не подчиняющихся ему вооруженных групп, терроризирующих население.

Вместо того, чтобы признать совершение всеми сторонами вооруженного конфликта ужасающих актов насилия в отношении людей с самыми различными политическими убеждениями, правительство отказывается согласиться с тем, что силы, выступавшие на его стороне, допускали систематические нарушения прав человека и продолжают делать это,

хотя и в меньших масштабах.

Мы признаем, что предшествовавший режим, находившийся у власти в период с 11 мая по середину ноября 1992 г., совершал недопустимые действия в области прав человека, однако считаем, что это не может и не должно использоваться для оправдания практики нынешнего правительства в сфере прав человека.

Рекомендации правительству Республики Таджикистан

Мы считаем, что таджикское правительство должно:

- строить свою внутреннюю политику на основании международных стандартов прав человека, в том числе зафиксированных в «Международном пакте о Гражданских и Политических правах», «Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания», Заключительном Акте СБСЕ и других международно-правовых актах о правах человека;
- немедленно пресечь практику пыток, избиений и другого жестокого обращения по отношению к заключенным и задержанным, возбудить уголовные дела против сотрудников правоохранительных органов, которые прибегают к такого рода практике;
- обязать сотрудников правоохранительных органов предоставлять задержанным возможность сообщать родным и близким о своем местонахождении;
- прекратить практику арестов и задержаний людей только за то, что их родственники скрываются от правоохранительных органов;
- прекратить уголовное преследование в отношении лиц, которые содержатся под стражей только за выражение своих убеждений;
- провести тщательное расследование случаев убийств, похищений, пыток, избиений, изнасилований, грабежей со стороны членов военизированных формирований, включая Народный Фронт Таджикистана, и наказать виновных в соответствии с международными стандартами в области прав человека;
- предпринять активные усилия по розыску пропавших без вести; в особенности, провести расследование в связи с организованными военизированными группировками «неофициальными тюрьмами», ликвидировать последние в случае обнаружения и в соответствии с международными стандартами в области прав человека наказать виновных в их создании;
- обеспечить полную личную безопасность и основные условия для жизни возвращающихся беженцев и пристально следить за действиями местных властей в районах пребывания этой категории лиц;
- наказать в соответствии с процессуальными нормами тех, кто нападает на возвращающихся беженцев или угрожает им;
- в районах, куда возвращаются беженцы, обеспечить возвращение украденного или конфискованного имущества, предоставить компенсацию за уничтоженную собственность и наказать тех, кто отказывается вернуть похищенное у беженцев имущество;
- прекратить деятельность неофициальных и полуофициальных военизированных формирований;
- не допускать проявления регионализма в правоохранительных органах и вооруженных силах;
- руководствуясь стандартами ООН¹, тщательно проверить дела бывших членов военизированных формирований, состоящих в настоящее время на службе в национальной армии и МВД, уволить виновных в грубых нарушениях прав человека в отношении гражданского населения;
 - прекратить запугивание, применение насилия и другие формы давления на

- оппозиционных журналистов и способствовать свободе печати;
- способствовать образованию независимых политических организаций и после их становления провести свободные и справедливые выборы с допуском на них наблюдателей международных организаций.

Причастность Российской Федерации и рекомендации руководству России

Таджикистан стал символом нестабильности и угрозы исламского фундаментализма.² Некоторые лидеры Средней Азии используют этот символ как предлог для нарушений основных прав человека в интересах сохранения стабильности в их собственных странах. Россия также использует этот фактор среди иных для оправдания своего продолжающегося военного присутствия на границе Таджикистана с Афганистаном. К сожалению, Россия и другие государства СНГ пользуются этими понятиями, но молчат о нарушениях прав человека в Таджикистане.

Россия предоставляет более 70% иностранной помощи, в которой остро нуждается Таджикистан, а ее военные составляют основу сил, охраняющих таджикско-афганскую границу. Президент Борис Ельцин, министр обороны Павел Грачев и министр иностранных дел Андрей Козырев заявляют, что Таджикистан является зоной особых интересов Российской Федерации. Отношения Российской Федерации и Республики Таджикистан были оформлены договорами «О дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи», «О сотрудничестве в военной области» и примыкающим пакетом соглашений.

Принимая во внимание активное участие России в таджикских делах, следует говорить об особой ответственности России за контроль над ситуацией с правами человека в Таджикистане.

По нашему мнению, руководство России должно:

- в кратчайшие сроки создать предусмотренную ст.18 «Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи» Смешанную межправительственную комиссию по правам человека и определить ее статус, которым бы в числе прочего, предусматривалась необходимость обращения к независимым экспертам и международным правозащитным организациям. Особенно важно, чтобы работа этой комиссии в Республике Таджикистан охватывала весь комплекс вопросов соблюдения прав человека, что предусмотрено ст.9-12 данного договора;
- до момента создания этой комиссии поручить Российскому посольству в Республике Таджикистан собирать информацию о нарушениях прав человека в Таджикистане в отношении всех лиц, а не только этнических россиян, расширив для этого штат посольства;
- поручить Департаменту МИД РФ по международному, гуманитарному и культурному сотрудничеству готовить и представлять к открытой публикации не реже чем 1 раз в 6 месяцев доклады по ситуации в области прав человека в Таджикистане;
- выступать с публичным осуждением грубых нарушений прав человека;
- обусловить предоставление военной и некоторых, не связанных с основными жизненными потребностями населения, видов экономической помощи выполнением Таджикистаном принятых на себя международных обязательств по правам человека, что должно решаться на основе вышеупомянутых докладов и докладов независимых правозащитных организаций.

Рекомендации правительству Соединенных Штатов Америки

По нашему мнению, правительство США должно:

- продолжать регулярно поднимать вопросы прав человека на встречах с официальными

- лицами;
- выступить с публичным осуждением нарушений прав человека в Таджикистане;
- обусловить предоставление помощи Таджикистану, за исключением того, что необходимо для обеспечения основных потребностей человека, выполнением им взятых на себя обязательств по правам человека;
- продолжить работу в рамках программ по оказанию содействия развитию демократии и свободе печати в Таджикистане.

Рекомендации правительству Афганистана

Мы считаем, что правительство Афганистана должно:

- немедленно принять меры для обеспечения сотрудникам Верховного комиссариата ООН по делам беженцев свободного доступа к беженцам из Таджикистана, находящимся во всех районах Афганистана;
- принять меры к сдерживанию и наказанию тех, кто использует силу или угрозу, чтобы затруднить беженцам добровольное возвращение в Таджикистан;
- провести расследование по делу Али Халимана и других лиц, которые возможно, прибегали к убийствам с целью помешать беженцам возвращаться в Таджикистан, и наказать их в соответствии с международными процессуальными стандартами;
- разрешить беженцам свободное передвижение внутри Афганистана и наказать всех, кто пытается использовать их в качестве прикрытия при подготовке военных действий.

Рекомендации ООН

Мы считаем, что для гарантии безопасности и предотвращения возможности конфликтов при возвращении беженцев из Афганистана и внутренних беженцев в Хатлонскую область Объединенные Нации должны продолжить операции в регионе.

Краткий очерк о географии, населении и регионах

Таджикистан — страна, входящая в Содружество независимых государств (СНГ), провозгласил независимость 9 сентября 1991 г. В январе 1992 г. Таджикистан стал членом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), а в марте того же года — членом ООН.

Площадь Таджикистана составляет 143 100 кв.км преимущественно горной территории; республика имеет границы с Афганистаном, Китаем, Узбекистаном и Кыргызстаном. Заслуживает внимания тот факт, что протяженность границы республики с Афганистаном составляет более 1 000 км. По данным последней переписи населения СССР (1989 г.), население Таджикистана насчитывало 5,1 млн. человек. Из них около 61% (3,2 млн.) назвали себя таджиками, 23,5% (1,2 млн.) — узбеками, 7,6 % (388 тыс.) — русскими. По современным оценкам, население страны составляет 5,6 млн. чел.¹ Государственный язык с 1989 г. — таджикский, принадлежит к западноиранской группе языков и близок к фарси, на котором говорят в Иране. Большинство таджиков принадлежат к мусульманам-суннитам, за исключением памирцев (см. ниже), которые являются мусульманами-исмаилитами.

Прошедшая гражданская война обнажила глубокие различия между основными регионами Таджикистана. Исторически республика разделяется на несколько областей, различающихся между собой по уровню социально-экономического развития. Таджики, населяющие разные регионы, имеют специфические особенности языка и обычаев. Наибольшие различия существуют между жителями гор и долин.

Столица Таджикистана — город Душанбе, расположенный в Гиссарской долине, возник в начале XX века, и его населяют выходцы из различных регионов. Узбеки и русские еще недавно составляли значительную долю населения столицы.

В районах западнее Душанбе, объединяемых термином Гиссарская группа районов, узбеки также составляют значительную долю (45%) населения.

Расположенная на севере равнинная Ленинадская область с главным городом Худжандом (Ходжент) отделена от остальной части страны горным хребтом. Она наиболее развита в социально-экономическом отношении. Выходцы из этой области занимали доминирующее положение в коммунистической партии, государственных структурах и промышленности в советский период. Там также существуют значительные узбекские общины, составляющие 31,3% населения области.

К востоку от Душанбе находится Гарм — это преимущественно сельскохозяйственный горный район, население которого пользуется репутацией наиболее религиозных людей в Таджикистане.

Самой этнически обособленной, несомненно, является расположенная на востоке Таджикистана в горах Памира Горно-Бадахшанская автономная область (ГБАО). ГБАО занимает примерно половину территории республики, на которой в тяжелых экономических условиях живет около 4% населения республики. Примерно такая же доля выходцев из этого региона живет в других частях страны. Жители Горного Бадахшана исповедуют особое направление в исламе (в отличие от большинства других таджиков, которые являются мусульманами-суннитами, в Горно-Бадахшанской АО живут исмаилиты), говорят на особых диалектах фарси и, как думают другие таджики, считают себя «памирцами», в отличие от таджиков. Жители Памира также используют это слово как самоназвание, однако в беседах иногда отмечают, что они являются «подлинными» таджиками, в отличие от других.²

Расположенные на юге Кулябская и Курган-Тюбинская области в настоящее время объединены в Хатлонскую область. В нынешнем правительстве доминируют кулябцы или выходцы из этого сложного в географическом и экономическом отношении региона. Курган-Тюбинская область ранее представляла собой пустынные земли, на которых в 1930-х — 50-х годах было организовано орошение для выращивания хлопка и других культур. Заселение региона являлось результатом сталинской политики насильственных переселений, когда значительную часть жителей доставили в Курган-Тюбинскую область из граничащих с Памиром высокогорных районов Гарма. Туда также переселились выходцы из Кулябской области.

Политическая лояльность населения по отношению к тем или иным силам во многом определялась региональным происхождением. Так, оппозиционная коалиция, о которой ниже будет идти речь, пользовалась поддержкой гармцев и памирцев, а также живущих в Курган-Тюбинской области выходцев из этих регионов. Другую сторону поддерживали Ленинадская и Кулябская область, а также выходцы из Куляба, проживавшие в Курган-Тюбинской области.

ВВЕДЕНИЕ

Началу гражданской войны предшествовала острая борьба за власть между «старой гвардией» — партийно-хозяйственной номенклатурой и коалицией оппозиционных партий и движений, среди которых были — Исламская партия возрождения (ИПВ)¹, Демократическая партия Таджикистана (ДПТ)², движение «Растохез»³ и общество «Лали Бадахшан»⁴, часто называемой «исламско-демократической оппозицией». Эта борьба развернулась в условиях возрождения национального и религиозного сознания и, одновременно, обострения регионализма в Таджикистане.

Последующая борьба за власть и гражданская война, шаблонно трактуемые либо как борьба между «коммунистами» и «реформаторами», либо «коммунизмом» и «исламом», могут быть лучше поняты как конфликт региональных политических элит: ленинабадской «старой гвардии», новой генерации сторонников жесткого наведения порядка — выходцев из Куляба и их оппонентами из Гарма и Горного Бадахшана, вступивших в конфликт под демократическими и исламскими лозунгами. Ленинабадцы и кулябцы в итоге объединились против гармцев и памирцев, влияние которых в последние десятилетия усиливалось.

В конце седьмого десятилетия советской власти Таджикистан — беднейшая республика Советского Союза — испытал возрождение национального и религиозного сознания⁵ и подъем регионализма. Борьба за власть всерьез началась после неудавшейся попытки путча в Москве в августе 1991 г., которая положила начало распаду СССР.

21 сентября, под давлением антикоммунистической политической оппозиции, Президент Таджикистана Кадриддин Аслонов запретил Коммунистическую партию и наложил арест на ее собственность.⁶ Несколько дней спустя руководители Коммунистической партии вынудили Аслонова подать в отставку, поставили президентом первого секретаря Компартии Таджикистана Рахмона Набиева, отменили решение о запрете партии, объявили чрезвычайное положение⁷ и восстановили свой контроль над республикой. Эти действия вызвали продолжавшиеся более недели массовые демонстрации политической оппозиции, которая требовала отставки правительства. С целью разрешения политического кризиса Набиев подал в отставку до проведения президентских выборов. В результате выборов, состоявшихся 25 ноября 1991 г., Набиев — ленинабадец — нанес поражение Давлату Худоназарову — памирцу, пользовавшемуся поддержкой политической оппозиции.⁸

В преддверии гражданской войны: митинги весны 1992 г.

Обстановка в республике накалялась с каждым месяцем и весной 1992 г. вступила в критическую стадию. Во время проходивших в ту пору митингов окончательно сложились основные группы будущих участников гражданской войны.

Многодневные митинги начались 23 марта перед Президентским дворцом на площади Шахидон (Павших героев) с выдвижения памирцами требования об отставке Сафарали Кенджаева, занимавшего в то время пост Председателя Верховного Совета Таджикистана. Кенджаев публично обвинил министра внутренних дел (памирца) в коррупции. Это было расценено как «антипамирская» акция. Требования и число участников митингов быстро нарастали, их политическая база расширялась; основными организаторами выступлений стали Исламская партия возрождения, Демократическая партия Таджикистана, «Лали Бадахшан» и движение «Растохез». Демонстранты наращивали требования, призывая к референдуму по конституции, изменениям законодательства, парламентским выборам, а затем к отставке Президента Рахмона Набиева и к формированию коалиционного правительства. Митинг на площади Шахидон поддержал руководитель официального духовенства Таджикистана казикалон Ходжи Акбар Тураджонзода, сельское духовенство и многие таджикские гуманитарии. В соответствии с политико-региональной расстановкой сил, большинство участников этого митинга составили представители сельского населения гармского происхождения и живущие в разных районах республики, в том числе и в Душанбе, выходцы из гармского и памирского региона.

21 апреля сторонниками оппозиции в заложники была взята группа депутатов Верховного Совета и членов правительства, которых доставили на площадь Шахидон и угрожали им расправой, если власти не пойдут на уступки. На следующий день парламент принял условия митингующих.

В ответ, 26 апреля силами поддерживавшими правительство был организован постоянный митинг перед зданием Верховного Совета на площади Озоди (Свободы) в поддержку

Кенджаева и существующего правительства. Для участия в нем, в соответствии с той же политико-региональной раскладкой, организованно направлялись в Душанбе колонны транспорта с жителями Кулябской области. На этом митинге также выдвигались требования о смещении казикалона Тураджонзоды.

Душанбе был парализован двумя митингами, проходившими на расстоянии примерно полутора километров друг от друга. Участники митингов демонстрировали друг другу грозные намерения; на каждом митинге были сформированы группы безопасности, отмечались единичные случаи насилия, включая захват заложников и избиения. Силы МВД заняли позицию нейтралитета.

1 мая Президент Набиев издал указ о формировании особого батальона Национальной гвардии и санкционировал раздачу своим сторонникам на площади Озоди 1800 автоматов, что, видимо, и привело к серьезной эскалации напряженности и насилия.⁹ Одно из наиболее ожесточенных столкновений между группой членов этой «национальной гвардии» и сторонниками оппозиции произошло 5 мая в одном из кишлаков на Яванской доороге примерно в двадцати километрах к югу от Душанбе. Местные жители отказались пропустить колонну автобусов, перевозивших людей из Куляба для участия в проправительственных демонстрациях. Вооруженная схватка произошла после того, как «национальная гвардия» Президента Набиева и вооруженные группы с площади Шахидон прибыли на место событий. Жители кишлака сообщили представителям ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, что было убито по меньшей мере два человека из особого батальона, а также около 15 местных жителей.¹⁰

Через несколько часов после столкновения группы решительных молодых людей, криминальные и полукриминальные группировки, часто объединяемые термином «молодежь Душанбе», захватили телецентр и передали его под контроль оппозиции. В последующие несколько дней происходили вооруженные столкновения за овладение ключевыми правительственными зданиями в Душанбе. 7 мая Президент Набиев подписал с силами оппозиции соглашение, по которому последним был предоставлен контроль над 8 министерствами (включая министерства внутренних дел, безопасности, обороны и иностранных дел), существенно уменьшались полномочия Президента и предусматривался роспуск его гвардии. С этого момента реальная власть Президента Набиева была крайне ограничена, по сути он оказался под контролем оппозиции.¹¹

Напряженность между сторонниками и противниками прежнего правительства сохранялась. Согласно договоренности кулябцы спешно покинули Душанбе, даже не дождавшись высланной за ними колонны автобусов. Колонна же автобусов направлявшаяся из Куляба в Душанбе, чтобы отвезти сторонников Набиева домой, была временно задержана в Кофарнихоне. В ходе инцидента были убиты сотрудники КГБ и МВД, охранявшие автобусы. Захваченных водителей избили, а затем отпустили. В самом Душанбе, по сообщениям, начались массовые грабежи домов, принадлежавших выходцам из Куляба.

10 мая тысячи сторонников оппозиции, требуя выступления перед ними Президента Набиева, прошли с демонстрацией к зданию Комитета национальной безопасности (КНБ, бывший КГБ), считая, что президент находится там. Когда невооруженные в большинстве своем люди подошли к зданию КНБ и начали разбирать заграждения из колючей проволоки, силы безопасности (предположительно, КНБ) открыли огонь, убив около 14 и ранив десятки человек.¹²

«Национальная гвардия», созданная на площади Озоди, не сложила оружие, как это предусматривалось протоколом от 7 мая, и развязала вооруженные столкновения в Кулябской области со сторонниками «оппозиции». Потерпевшие поражение в Кулябе сторонники Исламской партии Возрождения и Демократической партии бежали в Душанбе в начале июня, а другие члены «оппозиции» и члены их семей, по сообщениям, подвергались в Кулябе

неоднократным насильственным нападениям.¹³

Гражданская война: вооруженный конфликт и политическая нестабильность

Регионализм продолжал играть основную роль при определении политических пристрастий в Таджикистане. Кулябская и Ленинадская области отказались признать новое правительство. В ответ сторонники «оппозиции» установили продовольственную блокаду Кулябской области, в результате которой были многочисленны человеческие жертвы.

Неопределенное положение возникло в Курган-Тюбинской области, где еще в июне продолжалось митинговое противостояние.¹⁴ В этой области гармцы сохраняли господствующие позиции в местной администрации и признали новое руководство страны, чем однако не были довольны остальные группы населения; вскоре как гармцы, так и их противники, среди которых были местные арабы, узбеки и выходцы из Кулябской области, создали военизированные формирования, которые начали угрожать гражданскому населению.¹⁵

Уровень военного противостояния продолжал повышаться. Борющиеся разрозненные вооруженные группы получили поддержку извне в конце июня.

Душанбинское правительство перебросило в область подкрепление — силы ОМОНа, состоявшего в основном из памирцев, что позволило ему укрепить свои позиции. В свою очередь, потерпевшие поражение в Душанбе кулябцы из пронабиевской Национальной гвардии, к середине июня полностью взяли реванш у себя дома и в конце месяца начали принимать активное участие в столкновениях в Курган-Тюбе.

Их возглавил Сангак Сафаров, называемый своими сторонниками «Бобо Сангак»¹⁶, признанный лидер кулябской криминальной группировки, отсидевший 23 года в местах лишения свободы за совершение уголовных преступлений, а в недавнем прошлом — лидер проправительственного митинга на площади Озоди.

Война бушевала в Курган-Тюбинской области в течение всего лета и первых месяцев осени, по мере того как силы кулябцев под предводительством Сангака Сафарова и местное ополчение, впоследствии названные Народным Фронтом¹⁷, продвигались по территории области, в конце концов взяв ее под свой контроль.

Силы в поддержку ДПТ и ИПВ были организованы Штабом национального спасения, который был образован 19 июня в Душанбе под руководством Давлата Усмона, заместителя председателя ИПВ, и Шодмона Юсуфа, председателя ДПТ.¹⁸ В состав этих сил входили силы МВД (в подавляющем большинстве — памирцы), призывники и добровольцы. В отдельных районах Курган-Тюбе появились полевые командиры, такие как Али Пундур, который действовал в районе Шаартуза (см. ниже).

В первые месяцы конфликта обе стороны располагали разрозненными единицами тяжелого вооружения, включая БТРы¹⁹, однако впоследствии Народный фронт получил тяжелое вооружение из Узбекистана. Также, по различным многочисленным сообщениям прессы другие страны СНГ, Афганистан, и исламские государства Персидского залива направляли оружие, инструкторов и оказывали другую военную помощь сторонам.

Военные действия велись со страшной жестокостью. Один из полевых командиров, воевавший против «оппозиции», отметил при встрече с миссией ПЦ «Мемориал»-Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, что ожесточенная война в Курган-Тюбинской области велась обеими сторонами «без правил и без раненых, пленных не брали». Ни одна из сторон не проявила стремления к гуманному ведению войны; в конечном счете, большие зверства творила сторона, одерживавшая верх. Война проходила в форме жесточайшего насилия в отношении предположительно лояльного противнику населения и массовых расстрелов, она

сопровождалась захватом заложников, убийствами, исчезновениями людей, пытками и грабежами. Значительная часть населения бежала. Многие кишлаки были полностью сожжены.

Насилие продолжалось и после того, как кулябцы одержали победу в Курган-Тюбе. Значительная часть населения покинула свои дома; большинство кишлаков, которые, как считалось, поддерживали «оппозицию», продолжали подвергаться систематическому разграблению, либо были полностью сожжены.

В результате военных действий на юге около 100 тыс. чел. стали беженцами. В ноябре происходил массовый приток таджиков в Пяндж, город на границе с Афганистаном, где они подвергались нападениям проправительственных сил и находились в условиях неблагоприятного климата и нехватки пищи и медикаментов. Когда войска правительства Таджикистана захватили Пяндж в конце декабря, около 90 тыс. беженцев перешли на афганскую территорию.

Между тем, в Душанбе продолжалась борьба за власть между «оппозицией» контролирующей правительство и сторонниками президента. Явно проявилось бессилие президента Набиева и его неспособность покончить с гражданской войной, развернувшейся в Курган-Тюбе, восстановить связи с другими регионами республики. Душанбе все глубже погружался в хаос.

31 августа «молодежь Душанбе» вместе с группой беженцев из Курган-Тюбе и Куляба захватила президентский дворец и группу заложников, одного из которых жестоко убили. В ходе массовых демонстраций в последовавшие за этими событиями дни выдвигались требования об отставке Президента Набиева. 7 сентября «молодежь Душанбе» вынудила его под дулами автоматов подать в отставку в аэропорту Душанбе. Связанные с Набиевым члены правительства также покинули коалиционное правительство. По мнению многих, с этого момента резко возросло влияние радикальных лидеров Исламской партии возрождения.

Столица республики оказалась охваченной разгулом преступности и соперничеством лидеров вооруженных групп, поддерживавших «исламско-демократический» блок. В Душанбе образовались десятки штабов военизированных формирований.

24 октября гиссарские военизированные формирования под руководством бывшего спикера парламента Сафарали Кенджаева предприняли неудачную попытку захватить столицу республики, однако не смогли закрепиться и были выбиты из центра города в течение нескольких часов.

В ноябре Народный Фронт и другие силы, выступавшие против душанбинского правительства, установили контроль над основными регионами республики. Душанбинское коалиционное правительство удерживало только столицу, Гарм и Горный Бадахшан. Группировки Народного Фронта приблизились к окраинам Душанбе.

Правительство объявило о своей отставке в начале ноября 1992 г., в преддверии открытия 16-й «примирительной» сессии Верховного Совета Таджикистана в Худжанде, которая работала до 2 декабря. В работе сессии в Худжанде, где предполагалось договориться об условиях национального примирения и создать новое правительство, приняли участие представители бывшего коалиционного правительства, ряд полевых командиров, участвовавших в гражданской войне с обеих сторон, и политические лидеры Ленинабадской области. Было сформировано новое руководство страны, ныне находящееся у власти: Председателем Верховного Совета был избран выходец из Куляба Эмомали Рахмонов, фактически обладающий властью президента республики, Председателем Совета Министров назначен А. Абдулоджанов, ленинабадец по происхождению; на остальные руководящие посты также были назначены выходцы из Ленинабада и Куляба. Достигнутые же соглашения о прекращении огня, так же как и предшествовавшие, не были выполнены.

Вооруженная борьба за столицу продолжалась несмотря на то, что, по словам многих членов и сторонников «оппозиции», она признала новое правительство и заявила, что готова принять последнее с миром. В конце ноября и в начале декабря окраины Душанбе подвергались обстрелу из реактивных установок системы «Град». В свою очередь, некоторые вооруженные формирования «исламско-демократического» блока держали оборону по периметру столицы. Только в начале декабря 1992 г. силы «оппозиции» стали оставлять Душанбе, вслед за чем, не встречая сопротивления, в столицу вошли военизированные группировки во главе с формированиями Народного Фронта. Для того, чтобы противостоять неуправляемому характеру этих группировок, правительство Эмомали Рахмонова 10 декабря ввело в столицу бригаду особого назначения МВД, в состав которой входила и группа сотрудников МВД Узбекистана. Прибыв в город на танках и бронетранспортерах, эта бригада, по утверждению западного наблюдателя, успешно вытеснила одну из таких группировок.

Несколько недель спустя проправительственные силы (в основном — формирования Народного Фронта), отчасти благодаря узбекской военной помощи, после жестоких боев захватили оплот оппозиции — город Кофарнихон. Затем военные действия переместились в Рамитское ущелье и на восток, в направлении Гарма, пока в феврале и марте 1993 г. правительственные войска не установили контроль над этой территорией.

Всего за шесть месяцев 1992 г. гражданская война в Таджикистане унесла жизни 20 тыс. человек (по некоторым оценкам — до 50 тыс.) и, по данным работающих в регионе различных международных организаций по оказанию помощи, согнала с места около 400 — 500 тыс. человек или примерно каждого десятого жителя Таджикистана. Ущерб, нанесенный экономике, оценивается в 300 млрд. рублей.

События последнего времени

Несмотря на то, что с мая 1993 г. тысячи беженцев были репатриированы из Афганистана, значительно большее их число продолжает оставаться в лагерях беженцев. Считается, что около 3 тыс. таджиков были вооружены и обучены афганскими группировками. Их лагеря располагаются часто отдельно от лагерей беженцев и хорошо охраняются, что бы предотвратить побег новичков.²⁰ Таджикские «оппозиционеры» и афганские моджахеды неоднократно в последние месяцы провоцировали ставшие регулярными столкновения с российскими пограничниками на таджикско-афганской границе. 13 июля, в ходе наиболее ожесточенного из столкновений, погибло 25 таджикских семей и 25 российских военнослужащих,²¹ что вызвало острую реакцию в России, принимая во внимание 10-летний опыт ее войны в Афганистане.²² В ответ на это, по некоторым сведениям, российские войска обстреляли и нанесли бомбовый удар по позициям мятежников в северном Афганистане.

Активность мятежников сохранялась в течение лета 1993 г. в горах Гарма и Горном Бадахшане. Несмотря на августовские бомбежки позиций оппозиционных сил на подступах к Горному Бадахшану и наступление правительственных войск, сама территория ГБАО и сейчас находится практически под полным контролем оппозиции. Примерно в это же время на встрече руководителей центральноазиатских государств и России в Москве президенты Казахстана, Узбекистана и Кыргызстана обещали направить свои воинские контингенты для охраны таджикско-афганской границы, а Президент Таджикистана Эмомали Рахмонов — начать переговоры с вооруженной оппозицией.²³

Роль России и Узбекистана

При подписании таджикско-российского «Договора о дружбе и сотрудничестве и взаимной помощи» (далее — «Договор о дружбе») председатель Верховного Совета Таджикистана Эмомали Рахмонов, выражая признательность России за помощь его находящейся в трудном положении стране, заявил, что если бы не «Россия и лично Президент Ельцин и Узбекистан и

лично Президент Каримов, Таджикистана бы уже не существовало».²⁴ Это заявление раскрывает полную зависимость нынешнего таджикского правительства от России и Узбекистана. На Россию приходится по меньшей мере 70% жизненно необходимой для Таджикистана экономической помощи,²⁵ помимо значительной военной помощи; по оценкам западных дипломатов, Россия обеспечивает до 50% государственного бюджета Таджикистана. Договор о дружбе и примыкающие к нему документы, подписанные 25 мая и ратифицированные российским парламентом 15 июля 1993 г., предусматривает широкое военное, экономическое, торговое, правовое и культурное сотрудничество.

По мнению многих, инцидент на границе 13 июля ускорил ратификацию Договора российским парламентом.²⁶ Примечательно, что Договором предусматриваются гарантии соблюдения прав человека для всех жителей Таджикистана и закладывается основа для учреждения межправительственной комиссии по правам человека (Ст.18). Накануне подписания этого соглашения Россия предоставила Таджикистану прямую экономическую помощь в размере 5 млрд. рублей и кредиты на 20 млрд. рублей.²⁷

Военное присутствие России в Таджикистане представлено в основном 201-й дивизией Министерства обороны России, дислоцированной в Душанбе и Курган-Тюбе, и пограничными войсками, ранее находившимися в подчинении Министерства безопасности Российской Федерации. Две трети офицеров в Министерстве обороны Таджикистана — русские. Их не следует отождествлять с российскими офицерами 201-й дивизии. В соответствии с упомянутыми соглашениями эти войска должны оставаться в Таджикистане в течение переходного периода до тех пор, пока в Таджикистане не будут сформированы собственные пограничные войска. Российские пограничники составляют основу сил на таджикско-афганской границе. В июле 1993 г., после гибели 25 российских пограничников в результате нападения афганских и таджикских боевиков, министр обороны Павел Грачев заявил, что это «прямая угроза вмешательства во внутренние дела России и необъявленная война определенных группировок боевиков против России».²⁸ Президент Борис Ельцин, министр обороны Павел Грачев и министр иностранных дел Андрей Козырев заявили каждый, что Таджикистан является зоной особых интересов России. Неоднократно высказывавшаяся позиция руководства России определяет таджикско-афганскую границу как общую границу стран СНГ, которая должна охраняться совместными силами.

Многие подвергают сомнению утверждения России о нейтралитете ее вооруженных сил в период политической нестабильности и гражданской войны в Таджикистане.²⁹ Когда в мае 1992 г. Президент Набиев раздал 1800 автоматов своим сторонникам на площади Озоди, сторонники оппозиции считали, что это было сделано с помощью 201-й дивизии. В это же время, по утверждению сочувствовавшего оппозиции памирца³⁰, а также нескольких других лиц, российские военные передали оппозиции грузовик со стрелковым оружием. Интересно, что через несколько дней, по свидетельству очевидца, офицеры 201-й дивизии принимали участие в разоружении проигравших сторонников президента.

Вооружение и личный состав российской армии, по сообщениям, использовались в нескольких вооруженных столкновениях гражданской войны для оказания поддержки сторонникам сначала Набиева, затем Рахмонова.³¹ Вместе с тем, когда 24 октября силы под командованием Сафарали Кенджаева предприняли попытку свергнуть контролируемое «исламско-демократическим» блоком правительство, члены правительства скрывались в расположении 201-й дивизии. Оставшиеся в живых бойцы Кенджаева так же нашли убежище у российских военных и были вывезены из Душанбе под охраной танков дивизии.

Многие говорят о том, что выступающие на стороне нынешнего правительства силы получали свое оружие в качестве подарка, покупали или просто украли его у 201-й дивизии. Вооружение оппозиции в основном имело тот же источник.³²

Полковник Анатолий Ивлев, заместитель командира 201-й дивизии по связям с общественностью, отрицал в интервью представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч 7 июня 1993 г., что личный состав 201-й продавал или передавал оружие какой-либо из сторон, принимавших участие в вооруженном конфликте в Таджикистане. Однако полковник в отставке, работавший инструктором в 201-й дивизии, заявил представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, что «мы дали [оружие] после того, как Рахмонов дал оружие [местным сторонникам оппозиции]. Мы учили их целиться и стрелять. Разумеется, оружие после этого исчезло».³³

К чести 201-й следует отметить, что в течение всего периода войны последняя предоставляла беженцам гуманитарную помощь и, в ряде случаев, защиту. Однако, в некоторых случаях российские солдаты оказывались замешанными в перестрелках или не обеспечивали защиту беженцев. Хотя условия пребывания 201-й дивизии не предусматривают ее вмешательство в вопросы внутренней безопасности Таджикистана, в течение зимы и весны она проводила совместные с таджикским МВД и КНБ операции по поиску и изъятию оружия в Курган-Тюбе, Душанбе, Кулябе и «везде, где они просили нас о помощи».³⁴ В ходе этих операций 201-я дивизия выполняла функции прикрытия сил КНБ и МВД. Задачей дивизии является защита границы Таджикистана с Афганистаном во взаимодействии с пограничными войсками.

Другая задача 201-й дивизии — защита русскоязычного меньшинства в Таджикистане. В связи с этим полковник Ивлев заявил представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, что большинство офицеров 201-й дивизии утверждают, что считают своим моральным долгом оставаться в Таджикистане до тех пор, пока «не будет найдено цивилизованное решение вопроса о судьбе русских: будут ли они переселены в Россию или предпочтут остаться здесь». Потеряв в результате выезда русских в Россию значительное число квалифицированного личного состава, 201-я дивизия активно привлекает «контрактников» — этнических русских, которые выросли в Таджикистане, отслужили на действительной военной службе и изъявили желание поступить на короткий период на службу в 201-ю дивизию. Мы не располагаем точными данными о количестве контрактников в дивизии в настоящее время, однако полковник Ивлев допускает, что в некоторых подразделениях они составляют до 2/3 личного состава.

Российские войска продолжают принимать участие в оказании гуманитарной помощи гражданскому населению республики: российские военно-транспортные самолеты доставляли продовольствие в Горный Бадахшан, когда там сложилась угроза голода, и продолжают снабжение региона и сегодня.

В Таджикистане также имеет место значительное военное присутствие Узбекистана. Как представляется, последний оказывает таджикскому правительству помощь в организации новых сил безопасности,³⁵ в том числе Министерства обороны, КНБ и МВД. Действительно, один из западных дипломатов в Душанбе охарактеризовал силы безопасности Таджикистана как «движимые Ташкентом».³⁶ Войска МВД Узбекистана осуществляют патрулирование в Ходженте, солдаты армии Узбекистана летом 1993 года охраняли ключевые правительственные здания в Душанбе. Авиация, которая использовалась для нанесения бомбовых ударов по позициям мятежников в Гарме, по сообщениям, принадлежала Узбекистану (Таджикистан не располагает соответствующими типами самолетов). Президент Узбекистана Ислам Каримов отрицал то, что самолеты находились под узбекским командованием, утверждая, что они подчинялись главному ОВС СНГ Евгению Шапошникову.³⁷

Некоторые западные дипломаты считают, что Узбекистан оказывает позитивное политическое влияние на Таджикистан и, наряду с Россией, подталкивал правительство к переговорам с вооруженной оппозицией. В беседах с представителями Хьюман Райтс

Вотч/Хельсинки Вотч иностранные дипломаты в Душанбе также указывали на предоставление Узбекистаном гуманитарной помощи Таджикистану, в том числе отправку в Горный Бадахшан продуктов и медикаментов в феврале 1993 г.³⁸ В то же время, правительство Узбекистана неоднократно использовало в качестве предлога для оправдания систематических нарушений прав человека в собственной стране беспорядки и «угрозу исламского фундаментализма» в Таджикистане.³⁹

ГРАЖДАНСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАВА

Введение

В первые несколько недель после того, как нынешнее правительство пришло к власти и поддерживающие его военизированные формирования вошли в Душанбе, члены этих формирований совершили ужасающие нарушения прав человека, часто проводя казни без суда и следствия, захватывая, избивая или пытая предполагаемых сторонников оппозиции, и терроризируя гражданское население.

К концу января число этих инцидентов уменьшилось, в это же время прокуратура начало выдавать санкции на аресты лидеров «оппозиции».

Правительственные чиновники, с которыми беседовали представители Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч и ПЦ «Мемориал», не отрицали, что в течение декабря и января имело место много случаев убийств, разбойных нападений, грабежей и насилия. По их словам, правоохранные органы были дезорганизованы и истощены в результате потери памирцев, которые составляли значительную часть командного состава МВД и ОМОНа (они либо погибли в гражданской войне, либо были вынуждены бежать в Горный Бадахшан); более того, значительная часть сотрудников других сил охраны порядка была убита во время военных действий. По оценке заместителя министра внутренних дел полковника Геннадия Блинова, период паралича в МВД закончился только во второй половине января.

До своего самороспуска весной 1993 г. Народный Фронт, по словам руководителей МВД, находился под контролем МВД, выполняя приказы правоохранных органов. После успешного захвата Гарма отряды Народного Фронта, по сообщениям, перегруппировались в южном направлении, ближе к таджикско-афганской границе.

Полковник Блинов сообщил ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, что «значительная часть людей, которые воевали против прежнего правительства, отмежевалась от Народного Фронта и, используя ситуацию, начала совершать преступления — грабежи и разбои». Другие официальные лица заявляют, что члены Народного Фронта не являются виновными в таких преступлениях, и что любая вооруженная банда, действующая от имени Народного Фронта, вероломно использовала имя последнего. Основываясь на результатах миссии, ПЦ «Мемориал» и «Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч» считают недостаточными такие объяснения. Хотя ясно, что в течение этого периода действовал ряд неуправляемых ополченских формирований, они действовали на стороне правительства, которое, в свою очередь, должно принять на себя ответственность по наказанию всех тех, кто совершал преступления, в том числе членов Народного Фронта.

По словам председателя КНБ Сайдимира Зухурова и первого заместителя министра внутренних дел Геннадия Блинова, лица из Куляба составляют до сорока процентов (300 человек) подозреваемых преступников, содержащихся под стражей в Душанбе, в том числе «членов Народного Фронта, сотрудников МВД и других правоохранных органов». Однако, по данным Прокуратуры Республики, ни одного уголовного дела не было возбуждено против членов прежнего Народного Фронта за преступления, совершенные в течение зимы 1992-1993 гг., в том числе по обвинению в убийствах, похищениях, пытках.

Помимо этого, ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч обеспокоены тем, что на фоне нарушений прав человека, совершенных Народным Фронтом, сотни членов последнего (после самороспуска весной 1993 года) вошли в состав подразделений МВД, а несколько отрядов Народного Фронта, среди которых батальон известного своей жестокостью Файзали Саидова, ныне покойного, вошли в национальную армию Таджикистана.¹

Действия военизированных формирований и реакция правительства

Разного рода военизированные отряды — некоторые, как считают, образованные членами Народного Фронта — до настоящего времени представляют угрозу правам человека и общественному порядку в Таджикистане, убивая и захватывая заложников; они также грабят и занимают дома. Жертвами этих группировок становятся, главным образом, активисты оппозиции и лица гармского или памирского происхождения; иногда они угрожали или совершали акты насилия в присутствии представителей правоохранительных органов. По меньшей мере в двух случаях (см. ниже) их жертвами стали правительственные чиновники-гармцы или памирцы, которые были специально приглашены таджикским правительством вернуться на свои посты. Такие действия ставят под вопрос надежность гарантий безопасности возвращающимся депутатам со стороны правительства и отражают недостаток воли или способности последнего.

В других случаях командиры военизированных формирований просто безнаказанно действовали в присутствии представителей правоохранительных органов. Так например, 30 июня Абдукодур Холикзода, член совета движения «Растохез», был вызван на допрос в районную прокуратуру. Во время допроса в кабинет ворвались четверо вооруженных людей и увели Холикзоду, угрожая убить его. Холикзода рассказал представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч и ПЦ «Мемориал», что вооруженные люди посадили его в машину с кулябскими номерами, где он увидел также захваченного Махмадали Рабиева, председателя районной организации «Растохеза» из Куляба, который пропал без вести в марте (см. ниже). Вооруженные люди отвезли Холикзоду к республиканской прокуратуре, где его вывели из машины и пригрозили расстрелять рядом со зданием. Инциденту был положен конец, когда к месту событий подошли должностные лица республиканской прокуратуры. Вооруженные люди однако не были задержаны.

25 марта 1993 г. вооруженные люди увели 17-летнего Джамшида Шапирова из аудитории Душанбинского политехнического института. Джамшид не принадлежал ни к какому политическому движению, но во время беспорядков в сентябре 1991 г. был в числе участников голодовки протеста, требовавших политических изменений. По словам матери Джамшида Чинигуль Каримовой (см. ниже), эти люди захватили его в общежитии института (которое они, по-видимому, использовали как штаб), где его избили, жгли пальцы и угрожали убить его, если он не заплатит миллион рублей в течение трех дней. Во время его пребывания в заключении вооруженные люди, как нам сообщили, говорили Джамшиду: «Я знаю всех тех, кто участвовал в голодовке на площади. Их всех нужно убить». Милиция в итоге взломала дверь в помещение, где боевики держали Джамшида, и доставили его и главаря в отделение милиции. Обоих отпустили.

Реакция правительства на запросы по правам человека

При встречах с представителями ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, а также в переписке с Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч официальные лица неизменно начинали ответ на конкретный вопрос по правам человека с рассказов о злоупотреблениях в отношении прав человека, имевших место во время правления предыдущего правительства.² Нам рассказали о блокаде и голоде в Кулябской области, организованными этим правительством, захвате заложников (среди жертв были члены Верховного Совета и

правительства, с которыми мы встречались) и о конкретных отвратительных инцидентах внесудебных расправ над людьми, которые были неудобны «оппозиции». При этом некоторые из них были подвергнуты пыткам перед расстрелом.

Официальные лица в частном порядке выражали возмущение по поводу того, что во время этого периода ни одна из правозащитных организаций не послала миссию по сбору фактов или не направила письма протеста.

ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч признают, что грубые злоупотребления в отношении прав человека имели место при предыдущем правительстве, и выражают сожаление в связи с тем, что не имели возможности провести в то время тщательное расследование.³ Тем не менее мы не думаем, что подобные действия каким-либо образом оправдывают практику нынешнего правительства в сфере прав человека.⁴

Внесудебные расправы и другое насилие от рук проправительственных военизированных формирований

Внесудебные расправы строго запрещены основными международными документами по защите прав человека, включая Международную конвенцию по гражданским и политическим правам (Статья 6.1).

Душанбе

После смены власти и прибытия в Душанбе в начале декабря 1992 г. правительственных сил и проправительственных полувоенных формирований число убийств в столице многократно возросло. Заместитель министра внутренних дел Г.Блинов заявил представителям ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, что не в состоянии оценить количество убийств, совершенных в Душанбе в декабре и январе, однако предположил, что в день происходило около десяти случаев. Примерно столько же людей ежедневно исчезали, что, по мнению полковника Блинова, практически «равносильно убийствам». Он также отметил, что 80% зарегистрированных в настоящее время случаев относятся к убийствам, происшедшим в прошлом году.

Значительна часть убийств были, как считают практически все свидетели, внесудебными расправами, совершенными на этнико-региональной или политической почве.

Начиная с середины декабря, по свидетельствам очевидцев, с которыми беседовали представители ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, правительственные и проправительственные силы, а иногда и лица, лишь располагавшие документами о принадлежности к ним, осуществляли акции по проверке документов и поиску оружия, организовывали контрольно-пропускные пункты. Имеются отдельные сведения, что и в Душанбинском аэропорту были случаи, когда при проверке документов, те пассажиры, в паспортах которых было обозначено их гармское или памирское происхождение, были убиты или исчезли.

Согласно показаниям очевидцев, члены военизированных формирований останавливали автобусы и троллейбусы с целью проверки документов пассажиров. Во многих случаях те пассажиры, в паспортах которых было отмечено, что они родились на Памире, были убиты или же просто бесследно исчезли. Один из высших офицеров МВД сообщил представителям ПЦ «Мемориал», что знает два таких случая и в одном из них официальный руководитель Народного Фронта С.Сафаров приказал расстрелять виновного в убийствах, однако виновный был, по словам рассказчика, посажен в тюрьму.

Обеспокоенный убийствами памирцев, Горно-Бадахшанский (Памирский) Совет создал в декабре 1992 г. комиссию по расследованию этих случаев. Комиссия во главе с ее

председателем Шабозовым направилась в Душанбе и составила список более 300 жертв (памирцев) на основе обхода моргов, массовых захоронений и частных домов. Помимо этого, комиссия помогала памирцам выбраться из Душанбе. М.З., преподаватель истории в Душанбинском педагогическом институте и член комиссии, рассказал представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, что в ходе встреч в МВД, прокуратуре и КНБ «мы представляли им факты, и они, казалось, верили нам. Но они говорили: »Мы бессильны, потому что наши люди не в состоянии противостоять массовым масштабам преступности". И все же, с другой стороны, КНБ предупредило [в конце ноября] о готовящихся нападениях на памирцев".⁵

М.З. отметил, что посещения моргов были изматывающими, так как работники моргов боялись разрешать фотографировать или проводить экспертизу трупов.

М.З. описывает посещение комиссией городских моргов Душанбе:

Мы ходили по моргам... Мы отправились туда 28 января и увидели тела 21 человека, которых захватили в Варзобе. 30-го и 31-го мы пошли снова и видели тела, доставленные 28 января из совхоза «Такоб» (примерно в 40 км от Душанбе), где памирцы составляют 10%. Большинство памирцев бежало оттуда, а оставшихся арестовали. Там было 14 трупов из «Такоба», они были обожжены. Женщина оттуда [из совхоза] опознавала трупы для нас. Они были застрелены снизу подбородка через голову навывлет в затылок. [У некоторых] были размозжены головы. Руки и ноги были связаны вместе, у некоторых ноги были сломаны в нескольких местах. По телевизору показывали двух ребят из «Такоба», которых мы нашли [в морге]. С первого взгляда было ясно, что их били. За ними стояли двое боевиков с автоматами. Ребята дрожали, когда говорили. Диктор спросил их, принимали ли они участие в демонстрациях [весной], было ли у них оружие, кто дал его им. Это было 28 января, около 8.30 вечера. Они прервали плановую вечернюю передачу. Все это заняло десять минут или меньше.

М.З. также рассказал представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч о еще нескольких случаях убийств памирцев, о которых он узнал, но не обнаружил тел в морге. Среди них были **Алиер Шохайдаров**, 30-летний физик, и его 22-летний брат **Алихайдар**. По сообщениям, вооруженные люди забрали их обоих из дома в 33-м микрорайоне около 8 вечера 28 января. Жена старшего Шохайдарова, рассказавшая об инциденте М.З., обнаружила два тела на берегу реки Душанбе.

Корреспондент международного информационного агентства описывает, что он видел в Душанбе 14 декабря:

Если вы были русским, узбеком или иностранцем, вы могли оставаться в автобусе. Если вы были таджиком, они проверяли ваши документы или заставляли выйти. Они говорили: «Ваши документы», — и если вы были гармцем или памирцем, вас заставляли выйти. 14 декабря они остановили автобус перед цирком, на восточной окраине города. Это большой перекресток. Было около полудня. Там было трое солдат: русский, таджик и узбек. Они говорили по-русски, а не по-таджикски. Никто в автобусе не спросил, откуда они, а они ничего не объясняли. Некоторые показывали паспорта, у других паспортов с собой не было. Солдат-таджик отпустил несколько человек, которые сказали, что у них нет с собой паспортов. Двое молодых людей отказались предъявить паспорта. Им было лет 18-20. Они не хотели идти в грузовик [который стоял рядом]. Солдаты убили их. Все это продолжалось 10 или 15 минут.

Журналист, который просил Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч не упоминать его имени, рассказал еще об одном типичном случае. 15 или 16 декабря, когда он вместе с его соседями

— мужем и женой — ехал в переполненном троллейбусе, боевики остановили троллейбус у контрольного пункта на улице Нигакатарбаева. Вооруженные люди вывели шестерых пассажиров, в том числе соседей журналиста (памирцев) из троллейбуса. Их тела были найдены две недели спустя в 65 микрорайоне.

Хикматулло Давлатов, 20-летний житель бывшей области Курган-Тюбе, приехал в Душанбе 22 декабря 1992 г. после демобилизации из российского ВМФ. Через несколько дней Давлатов (происходящий из Гарма), напуганный событиями в Душанбе, предпринял попытку покинуть страну, по словам его отца, «чтобы спасти свою жизнь». Вооруженные люди схватили его в самолете, который стоял на взлетной полосе аэропорта Душанбе, и увели. Его отец сказал представителям ПЦ «Мемориал», что обнаружил тело своего сына только через пять месяцев в могиле за пределами Душанбе, где было еще восемь трупов.

Нормухамед Табаров, 23-летний житель Душанбе, родственники которого были близки к политической оппозиции, был захвачен 15 января людьми в маскировочной форме, когда он проезжал мимо контрольного пункта в городе. Его родители рассказали представителям ПЦ «Мемориал», что они сообщили в милицию о пропаже сына, по телевидению было объявлено о случившемся и показана фотография молодого человека. Подросток, не назвавший своего имени, сообщил милиции, что видел, как убивали Табарова и еще несколько человек в деревне Кульписта, за городом. Тело Табарова было найдено неделю спустя с изувеченным лицом. Хотя по делу о его смерти продолжается следствие, подозреваемые не выявлены. Родственники Табарова считают, что при желании должностные лица могли бы без большого труда найти боевиков, которые стояли на контрольном пункте 15 января.

Полувоенные банды также врываются в частные дома. По имеющимся сведениям, 26 декабря группа в составе примерно 20 боевиков прибыла на бронетранспортере в жилой район Душанбе, вломилась в дом «Мухтабар» (эта женщина просила представителей Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч не раскрывать ее настоящего имени, возраста и профессии). Боевики избили ее и ее мужа, прижигали сигаретами лицо ее девятилетнего ребенка, требовали указать, где они прячут оружие (у них не было никакого оружия) и выкрикивали в их адрес обвинения, называя их «вовчиками».⁷ «Мухтабар» сказала, что видела, как боевики увезли ее мужа на бронетранспортере.

«Мухтабар» рассказала представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч:

Было около 9 вечера. Это было после ужина, я только что вышла из ванной, а муж смотрел телевизор. В дверь позвонили. Муж открыл дверь, они сразу распахнули ее и вошли. Они были в маскировочной форме. Они были хорошо вооружены, оружие было на поясах. Их было, должно быть, 20 или 24 человека. Они были в квартире и в БТРе. Они вырвали телефон, ударили меня по голове, и я упала без сознания. Когда я очнулась, я увидела, что они держат моего сына в воздухе и говорят: «Давайте пустим ему пулю в рот, он — памирец». [Сын] настолько перепугался, что намочил штаны. Они срывали ковры со стены, забирали все. Я спросила, что они делают, они сказали, что ищут оружие.

Они гоняли меня по кругу, приказывая сесть, встать, гоня меня, как мяч. Они схватили меня за волосы и бросили вниз. Меня обыскали везде. Они приказали мне раздеться и сказали: «Знаешь, некоторые женщины прячут гранаты у себя [в интимных местах]». Трое из них шарили там руками. [В один из моментов] я сказала: «Но мы не из Гарма, мы не памирцы!» Они назвали меня «вовчиковой б...ю», женой кази [религиозный деятель в Таджикистане].

Они жестоко избили моего мужа на балконе, но он не закричал. Он только сказал: «Не трогайте мою жену».

Они вывели нас на улицу около десяти часов, мне было холодно, на мне не было одежды. Они выстрелили в воздух и посадили мужа в БТР.

Я была вся в крови, ссадины по всему телу.

По словам «Мухтабар», мертвое тело ее мужа, которое соседи помогли ей на следующий день отыскать в городском морге, было лишено носа, ушей, губ и кончиков пальцев. Она сообщила, что за его правым ухом было пулевое отверстие. По записям, тело было обнаружено у моста Карабола.

Важно отметить, что не все вооруженные люди, совершавшие внесудебные расправы, принадлежали к проправительственным силам, были отдельные случаи и ответного террора. Преподаватель Душанбинского университета — этническая узбечка, с которой несколько раз встречались представители ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч — сообщила, что 4 января несколько вооруженных людей вызвали ее племянника, который был членом Народного Фронта, на улицу и убили его выстрелом сзади в шею.

Во время работы миссии ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки в Душанбе мы получили сообщения о гибели трех сотрудников МВД и сотрудника КНБ — все памирцы. **Давлатшо Ширинбеков** был майором милиции, отслужившим в МВД около 20 лет. Он покинул Душанбе в декабре и вернулся в мае, как сообщают, по приглашению правительства. 31 мая, через несколько дней после его возвращения на работу, вооруженные люди захватили его днем на рабочем месте. Его тело нашли на следующий день в совхозе «Иличурчий». 26 мая вооруженные люди захватили **Алишера Арабшоева** и **Давлатшо Зардабилова**, обоим примерно по 27 лет, в аэропорту Душанбе, куда последние прилетели из Хорога, столицы Горно-Бадахшанской АО. Их тела были обнаружены 1 июня рядом с одной из школ Душанбе. 30-летний сотрудник КНБ **Нехмат Хикматов** был захвачен в своем доме в Душанбе 26 мая. Его тело, по сведениям — обезображенное, было найдено четыре дня спустя у перевала Фахрабад.⁸

Субулак

26 декабря полувоенное подразделение, назвавшееся Народным Фронтом, по пути в Гарм остановилось на ночлег в кишлаке Субулак (примерно 110 дворов), расположенном в сорока километрах к северо-востоку от Душанбе. Примерно 60 или 70 боевиков, как сообщили жители кишлака, прибыли в Субулак на 8 или 9 танках и БТРах. Они были приветливо встречены местными жителями, которые утверждают, что приготовили им еду и постели. Как свидетельствуют пять жителей, с которыми по отдельности беседовали представители ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, кишлак была политически нейтральный, и там никогда не размещались вооруженные группы оппозиции. Ночью два члена отряда погибли при невыясненных обстоятельствах, и ранним утром, по показаниям свидетелей, члены Народного Фронта расстреляли от 43 до 47 жителей деревни (в том числе местного председателя, начальника милиции и двух женщин, которые, очевидно, были расстреляны случайно) и около 20 беженцев, находившихся в кишлаке. Затем они заставили оставшихся жителей собрать их тела и отнести их в бывшую деревенскую мечеть. Боевики также изнасиловали несколько женщин, разграбили много домов и угнали 22 автомобиля и несколько грузовиков. Боевики возвращались в деревню четыре или пять раз; во время их последнего прихода — примерно за неделю до прибытия представителей ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч — они требовали регистрационные документы на угнанные автомашины. В этот раз несколько боевиков были уже в штатском.

В то время как никто из жителей, с которыми беседовали представители ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, не был очевидцем убийств, трое сообщили, что большинство были убиты выстрелом в голову. **Бегназар Оиев**, один из старейшин, всю

жизнь проработавший в колхозе, ходил в мечеть после того, как туда были собраны тела. Он заявил представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, что «там было 63 или 64 трупа, мы сами считали. Из них 43 были нашими [из нашего кишлака], а остальные — с дороги, гости. Они были застрелены в глаза и уши. [У большей части тел] остальные части тела были в порядке, кроме головы и глаз. Это были мужчины от 20 до 60 лет. Все они были в своей одежде».

Среди убитых были старший сын Оиева, его брат Богдишо и два сына его брата: Байдерды и Магретдин.

По словам «Рашида», помогавшего переносить тела в мечеть и хоронить их, у многих были огнестрельные раны во лбу. Женщина, чьи муж и сын были в числе погибших, сообщила представителям ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, что на голове и других частях тела ее мужа было шесть пулевых ранений и что голова ее сына была разможжена. Женщина старше 50-ти, просившая не называть своего имени, рассказала представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, что трагедия произошла поздно ночью:

Они пришли сюда, к нам в кишлак. Мы поместили их в школе. Мы зарезали барана и принесли им одеяла и матрацы. Один из моих сыновей был на кухне, помогал готовить им ужин. Он пришел домой в полночь и сказал: «Эти солдаты говорят, что собираются проверять паспорта и искать беженцев и оружие». Примерно с часа можно было слышать стрельбу с разных сторон. Потом они окружили кишлак, и к пяти часам началась большая стрельба. Я не выходила из дома. Они стали бить моего мужа и сына у парикмахерской. Они думали, что [солдаты] собираются отвести их в штаб, чтобы проверить паспорта. Мы нашли тело моего мужа рядом с магазином, а сына — у парикмахерской. Они убили сына на глазах у моего мужа, а тот сказал: «Не убивайте моего сына, у меня есть золото и деньги, я отдам все это вам, только не убивайте его». Некоторые остались в живых, и они рассказали мне об этом.

Сообщения других жителей кишлака подтверждают слова женщины о том, что людей расстреливали в разных местах. «Рашид», к примеру, рассказал представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч следующее:

Некоторых застрелили рядом с их домами, некоторых преследовали до дороги, они стреляли здесь, там, везде. Некоторые из тех, кого они хотели убить, остались живы. Они собирались застрелить их, но говорили: «Эх, этот нам не нужен, — или, — Эх, пусть этот уходит». Они никому не подчинялись — какому-то командиру — они даже не слушали друг друга. Когда они застрелили деревенского председателя, один спросил у другого: «Зачем ты это сделал?» Я не знаю никого из этих боевиков Народного Фронта, но говорят, что одного из них звали Саша Мирзоев, из Регара. Они пили и были накачаны наркотиками.

Жители деревни сообщили, что прокурор проводил опрос населения, но не открыл следствие по этому инциденту. Человек, просивший не называть его имени, рассказал представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч следующее:

Два депутата Верховного Совета от нашего района пришли с командиром Народного Фронта и председателем КГБ. Я знаю их... Я разговаривал с ними несколько раз раньше. Мы встретились с ними, и они сказали нам правду. Двое их людей из Народного Фронта тоже были убиты. Они сказали: «Видите ли, наши люди были убиты, так что мы это сделали».

Высокопоставленный представитель МВД в Душанбе, которого представители Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч и ПЦ «Мемориал» спросили о случившемся в этом кишлаке,

производил впечатление неосведомленного о происшедшем, он только пространно рассуждал на тему о том, что, по сведениям, гармцы в других деревнях «убивали своих» и обвиняли кулябцев в их смерти, просто чтобы дискредитировать кулябцев.

Овул

Расположенный на окраине Душанбе, кишлак Овул населен преимущественно выходцами из Гармского региона. В период, когда «оппозиция» контролировала Душанбе, в Овуле располагался штаб одной из группировок и базировались вооруженные отряды «оппозиции». Большинство жителей кишлака поддерживали «оппозицию». 8 декабря после возникновения реальной угрозы захвата Овула силами противостоящей стороны, когда начался обстрел кишлака, члены вооруженных формирований и большинство гражданского населения кишлака покинули его. 10 декабря гиссарские и регарские формирования Народного Фронта заняли Овул, не встречая никакого сопротивления; они оставались там две недели, и в дальнейшем регулярно возвращались туда в продолжение весны. Почти все дома в Овуле, за исключением нескольких, принадлежащих лицам кулябского происхождения, после разграбления были сожжены. Представители ПЦ «Мемориал», посетившие эту деревню (вместе с сотрудником Комитета ВС РФ по правам человека), отметили, что характер большинства разрушений, которым подверглись дома, исключает возможность повреждений в ходе военных действий, но явилось результатом намеренного поджога. По сообщению жителей, всего в кишлаке сгорело 176 домов.

Жители кишлака сообщили ПЦ «Мемориал», что мужчины, оставшиеся в кишлаке были расстреляны. Убивались даже пожилые мужчины — 60-70 лет. Есть сообщение о гибели двух детей — 6 и 11 лет (хотя один из них погиб от случайного выстрела).

Местные жители сообщили, что боевики прочесывали окрестные жилые массивы, свозили задержанных людей в Овул и расстреливали их там. Трупы часто сжигались. После возвращения жителей в кишлак они обнаружили там тела 52 убитых жителей кишлака. Общее количество обнаруженных тел жители называют разное от 154 до 238 человек.

По-видимому, никто из представителей власти не пришел осмотреть погибших до их захоронения. Не делается даже попыток серьезно расследовать происшедшее — сотрудники правоохранительных органов не опрашивали жителей кишлака по поводу происшедших массовых казней. Для захоронения трупов исполнительный Комитет местного Совета прислал в кишлак, по просьбе его жителей, на один день экскаватор.

Население в настоящее время продолжает страдать от ночных грабежей, избиений, угроз, отсутствия средств и жилья. Их жизнь похожа на жизнь беженцев, вернувшихся в места своего проживания.

Высокие должностные лица МВД и Прокуратуры в беседах с членами «ПЦ Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч сообщили, что обстоятельства разрушения кишлака продолжают расследоваться, они отрицали факты преступлений, совершенных членами проправительственных отрядов и высказали предположение, что кишлак был разрушен либо в ходе боя, либо сожжен при отступлении сторонниками «оппозиции».

Киргизон

Военные действия, направленные на вытеснение повстанцев из Киргизона, кишлака примерно в двенадцати километрах к северо-востоку от Душанбе, прекратились к концу декабря. 17 января Народный Фронт организовал «народный суд» и публичную казнь **Махмараджаба Назарова**, 31-летнего мужчины, которого его соседи обвинили в убийстве двух их сыновей. По словам отца этого человека, с которым беседовали представители Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, 16 января боевики Народного Фронта захватили его и доставили в отделение милиции, которое они использовали как штаб-квартиру. На

следующий день «судебный процесс» произошел в присутствии примерно 2 тыс. жителей колхоза; процесс заключался в том, что вооруженные люди просили Назарова, лицо которого было в кровоподтеках, повторить то, что он якобы сказал в штаб-квартире Народного Фронта. Вооруженные лица задали Назарову один вопрос: «Ты убил двух сыновей твоего соседа?» После того, как Назаров ответил утвердительно, два автоматчика расстреляли его, выпустив два магазина патронов. 25 января и 10 февраля местный прокурор вызывал на допрос отца Назарова — 63-летнего Абдуназара. Узнав, что сын этого человека «сознался» перед тем, как быть расстрелянным, прокурор, как сообщают, сказал: «Что ж, это означает, что он был виновен». Никакого расследования не было предпринято в связи с этим случаем внесудебной расправы.

По словам Назарова-старшего, начало инциденту положили родители убитых, когда пришли к нему в дом, требуя Махмараджаба. Он рассказал о происшедшем представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч:

Соседи пришли за ним ночью, и они все стали искать [погибших сыновей]. Они даже отправились на поиски его в Душанбе. Потом они принялись искать снова, и Махмараджаб нашел тело одного у железной дороги; второго нашли рядом с мечетью. Родители обвинили в этом Махмараджаба. Они пошли в райотдел милиции в Кофарнихоне.

Пришли врач и несколько боевиков и сказали, что они из милиции. Они допрашивали людей, ... но меня ни о чем не спрашивали. Они забрали Махмараджаба, когда он копал могилу [для сыновей моего соседа]. Они вернулись той же ночью около восьми часов с Махмараджабом и обыскали местность, сказали, что собираются расследовать, потом ушли и увели с собой моего сына. На следующий день в полдень вооруженные люди пришли снова и сказали, что нашли убийцу. Они сказали, что собираются устроить показательный суд и расстрелять его. Бригадир колхозной бригады ходил от дома к дому и объявлял об этом. Сначала они говорили, что нашли трех человек, но вывели только моего сына.

Они устроили суд у железнодорожных вагонов, где нашли тела. Они сказали людям: «Вот тот человек, который сделал это. Мы нашли убийцу. Мы убьем его так же, как Сталин расправлялся с такими убийцами». Мы умоляли их подождать несколько дней, говорили, что убийцу найдут, но они не хотели. Они стали стрелять из двух автоматов. Махмараджаб поднял руки, чтобы сказать что-то, но ему не дали. Все в толпе молчали. Они дали нам полчаса, чтобы похоронить его. Его пальцы были связаны. Они не дали нам похоронить его по исламскому обряду.

Автоматчики — я их не знал. Они были с бородами и в маскировочной форме. [По-моему,] они решили, что Махмараджаб виновен, потому что я из Гарма и потому что некоторые члены моей семьи бежали в Гарм.

Южный

Поселок Южный, являющийся частью города Душанбе, служила базой повстанцев оппозиции до начала декабря. 6 декабря группа людей в традиционных таджикских халатах и тюбетейках направлялась в грузовике на похоронную церемонию некоего усопшего мусульманского духовного лица. Бронетранспортер, с надписью «Файзали» (фамилия одного из командиров Народного Фронта), по-видимому, проезжал мимо, и находившиеся в нем боевики, узнав, что эти люди направляются на похороны верующего, по имеющимся сведениям, сказали: «Мы их ищем, а они, »вовчики", здесь". С бронетранспортера был

открыт огонь по отъезжающему грузовику, при этом погибли семнадцать ехавших на нем людей. Жена одного из них рассказала об этом инциденте ПЦ «Мемориал».⁹

Ленинский район

В последних числах декабря неустановленные вооруженные люди явились в дом **Гайбулло Абдуллоева**, преподавателя, занимавшегося исследованием ислама. Его жена рассказала представителям ПЦ «Мемориал», что вооруженные люди увели Абдуллоева и велели остальным членам семьи не выходить из дома. Спустя минут двадцать они услышали выстрелы, а несколькими часами позже нашли его тело возле водонапорной башни примерно в метрах восьмистах от их дома.

Хатлонская область

Во время миссии ПЦ «Мемориал»-Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч в Таджикистане нам стало известно, что **Пиримкул Саттори**, журналист курган-тюбинской газеты «Хатлон», исчез 28 мая. По имеющимся сообщениям, его тело было найдено спустя несколько дней на хлопковом поле. Хотя обстоятельства его смерти неизвестны, есть основания полагать, что он стал жертвой внесудебной расправы от рук боевиков.

Расстрел **Шейха Камола**, 70-летнего члена ИПВ из Куляба, и его семи сыновей и 6-летнего родственника, как представляется, был совершен по политическим мотивам. Неустановленные вооруженные люди в маскировочной форме (без знаков различия), по сообщениям, совершили убийство в доме Камола, по другим данным — в иных предместьях Куляба в середине мая. «Мухаммед», член ДПТ из Куляба, который живет практически в изгнании в Душанбе,¹⁰ рассказал представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, что 20 мая 1993 г. он видел ближайшего родственника Камола — М.Х.; они были соседями и сослуживцами в Кулябе. Мухаммед заявил, что когда он встретил М.Х. в Душанбе, «тот стал плакать и рассказывать о случившемся. Убийство [произошло] у них в доме, в центре Куляба, на улице Куйбышева. Он только плакал... он сказал, что »это была все та же беда"; пришли несколько человек с автоматами и застрелили их. Они были в маскировочной форме, все они теперь носят такую форму". У Камола было семь сыновей: Холик (23 года), Абдулло (43 года), Джаббар (40 лет), Зоир (38 лет), Рахим (32 года), Саид (30 лет), Хуршед (16 лет) — и 6-летний родственник Маджид Абдулрахманов.

Исчезновения и неофициальные тюрьмы

ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч получили много сведений об исчезновениях, имевших место на протяжении всей зимы 1992-1993 гг. Исчезновения в течение этого периода проходили по общей схеме: похитителями были вооруженные люди, часто в форме защитного цвета, которые хватили людей на улицах, контрольных пунктах или помещениях, заталкивали их в легковые машины или, в некоторых случаях, в бронетранспортеры. По словам заместителя Министра внутренних дел, захваченные «потенциально были трупы — то есть их захватывали, увозили и убивали». Мы так же имеем аналогичную информацию из многих других источников, а так же о том, что в последнее время участились случаи захвата людей с целью получения выкупа за их жизни или за их трупы.

В подавляющем большинстве случаев власти не находят похитителей, ссылаясь на свое бессилие. ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч тем не менее полагают, что в некоторых случаях не составило бы труда определить местонахождение похитителей. Так, например, нам сообщалось свидетелями о случаях, когда похищенных заталкивали в бронетранспортер с написанной краской фамилией одного из командиров Народного Фронта и, более того, мы полагаем, что в других случаях сотрудники правоохранительных органов

сами могут быть замешаны в исчезновениях. Один из высших офицеров МВД в неофициальном разговоре с представителями ПЦ «Мемориал» утверждал, что сотрудники МВД иногда является соучастником похищений. Кроме того, он говорил, что МВД располагает данными о существовании «неофициальных тюрем».

По данным из различных источников, одна из «неофициальных тюрем» находилась в Шамабари, курортном местечке в Гиссаре, а другая — неподалеку от Варзоба, деревни в нескольких километрах к северу от Душанбе. Представитель ПЦ «Мемориал» предпринял попытку посетить последнюю, но был остановлен вооруженными людьми за несколько метров до поворота ведущего туда. На повороте местный сотрудник милиции сказал ему, что «дальше вдоль горной гряды ... примерно в полутора километрах находится помещение. Оно охраняется полувоенной группой [под названием «Семья"], которая не подчиняется нам... Я не могу пропустить вас ближе, потому что они убьют вас". Когда зеленый фургон с красным крестом и закрытыми окнами проехал по дороге за поворот, местный водитель заметил, что такие машины обычно использовались для перевозки людей в «неофициальные тюрьмы». Несколько местных жителей, с которыми он говорил, подтвердили, что там действительно находится «неофициальная тюрьма».

Представители Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч беседовали с человеком, который утверждает, что содержался в «неофициальной тюрьме» в Варзобе.

«Алишера»¹¹ забрали на работе в марте несколько вооруженных людей, один из которых предъявил удостоверение МВД. Последний, якобы, сказал «Алишеру»: «Мы собираемся подержать вас некоторое время, спросить то, что мы должны спросить, и отпустим». «Алишера» затем доставили в Варзоб, где неустановленные кулябцы избивали его, грозили убить и спрашивали о его начальнике, кази, и о машине последнего. «Они все время били меня и спрашивали: 'Где он, где его семья, где его сын, мы знаем, ты следишь за ним». Человек, который утверждал, что он из МВД, как сообщают, присутствовал во время избивания и допроса, но почти не разговаривал с боевиками в Варзобе. Между собой, как сообщают, боевики говорили: «Он был водителем Н.Н., мы должны убить его. Он из оппозиции, у него был автомат, он все знает».¹² «Алишера» отпустили на следующее утро, когда он отвел боевиков к машине его бывшего начальника, которую они угнали.

Количество подобных похищений резко уменьшилось весной 1993 года, но некоторые случаи дают повод для беспокойства. Среди них — исчезновение **Айнидина Садыкова**, нейрохирурга, который исчез в Душанбе около 10 часов утра 21 апреля после того, как сошел с троллейбуса. Родственники заявили представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, что, по их мнению, его исчезновение было политически мотивированным. В пользу этого говорят три фактора. Во-первых, в момент похищения доктор Садыков имел при себе медицинскую справку Бозора Собира — арестованного поэта (см. ниже), — которую он, как сообщают, получил в то утро. Во-вторых, доктор Садыков был председателем Фрунзенской районной организации ДПТ и оказывал врачебную помощь во время митингов на площади Шахидон, где он также несколько раз выступал. Наконец, его родственники сообщили представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, что после прихода к власти нынешнего правительства его начальники и коллеги в больнице якобы сказали ему: «Мы победили, и теперь мы можем по-настоящему прижать вас демократов».

Садыков взял отпуск в больнице в конце октября и больше на работу не возвращался. Его жена объяснила представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, что:

При новом правительстве на демократов оказывалось давление, а он был единственным демократом среди 500 врачей в больнице. У него начались осложнения на работе, поэтому он оставался дома 6 или 7 месяцев. Он не ходил на работу. Перед тем, как уволиться, он сказал мне: «Все равно я не могу работать там, все равно они избавятся от меня». Он очень любил свою работу. Дома он все

время старался сделать что-нибудь руками, чтобы не потерять чутье хирурга.

Родственники Садыкова считают, что к его исчезновению причастен КНБ.

В конце мая родственники доктора Садыкова получили сведения от заслуживающего доверия очевидца его похищения, который сообщил, что пять похитителей — двое из них были вооружены к подъехали к троллейбусной остановке на двух машинах, толкнули Садыкова в одну из них и уехали. Свидетель, по сведениям, смог в точности описать одежду Садыкова и вещи, которые он нес в тот день.

Родственники Садыкова обратились к заместителю председателя Верховного Совета и неоднократно обращались в Следственное управление МВД, где им обещали разобраться. В КНБ отказались принять их. В ходе встречи с представителями ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч председатель КНБ Зухуров утверждал, что не имеет информации по этому делу. Родственники Садыкова убеждены, что при наличии политической воли КНБ отыскал бы его.

15 мая местная милиция в поселке **Южный** (см. выше) арестовала шестнадцать человек во время поиска незаконно хранимого оружия. По словам жителей поселка, тринадцать человек после избиений были отпущены, но о троих — включая двух мужчин в возрасте более 60 лет — с тех пор не было ничего слышно. Начальник Управления охраны общественного порядка МВД подтвердил нам факт ареста людей в поселке Южный, однако, по словам родственников, ни в местном отделении милиции, ни в МВД, ни в КНБ, ни в следственном изоляторе г. Душанбе родственникам не могли ничего сообщить о местонахождении этих трех мужчин.

Также вызывает беспокойство случай с **Махмадали Рабиевым**, председателем организации Растохеза в Пархарском районе (бывшая Кулябская область). Господин Рабиев, 36-летний фармацевт, был схвачен в Душанбе в марте и исчез. Надежный свидетель сказал представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, что видел его в Душанбе 30 июня на заднем сиденье машины с кулябскими боевиками.

Айниддин Зивауддин исчез в Колхозабаде 11 мая. В поисках информации о его местонахождении родственники в итоге обратились в представительство UNHCR в Колхозабаде. Только 3 июня, после запроса руководителя миссии UNHCR, начальник местного отдела КНБ признал, что Зивауддин арестован и находится в предварительном заключении.

Саидшо Шоев, являвшийся депутатом Верховного Совета, бежал из Таджикистана зимой 1993 г. Таджикское правительство обратилось к Шоеву и другим депутатам, покинувшим Таджикистан, с просьбой вернуться и гарантировало полную безопасность возвратившимся в конце июля депутатам, в числе которых был и Шоев. Однако 29 июля он и его брат **Сияршо Шоев** (35 и 39 лет соответственно) исчезли в центре Душанбе.

Члены семьи Шоева, просившие сохранить анонимность, заявили представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, что непрямая угроза жизни Саидшо Шоева существовала со времени его возвращения в Верховный Совет. В полдень 29 июля, несколько дней спустя после возвращения Шоева в Душанбе, по дороге к зданию Верховного Совета его машина была прижата «Волгой» ГАЗ-31 (как сообщают, с номерами Министерства обороны), откуда вышли автоматчики. Последние, по сообщениям, спросили, кто из пассажиров «Шоев», и посадили Саидшо Шоева в свою машину, избив его, когда он начал сопротивляться. В машине также был брат Шоева, однако он не назвал себя автоматчикам. Машина затем направилась к Верховному Совету. Сияршо Шоев, в отчаянии от того, что его брата схватили и избили, бросился в Верховный Совет и попытался обратиться за помощью к заместителю председателя Достиеву. Он якобы был схвачен автоматчиками в здании Верховного Совета в присутствии сотрудников милиции и КНБ, которые, как сообщают, ничего не предприняли,

чтобы остановить автоматчиков. Сияршо Шоева увезли в «Жигулях». С тех пор от них не поступало никаких известий. Представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч сообщили имя командира боевиков, который, вероятнее всего, организовал покушение, но просили не публиковать его.

Семья Шоевых обращалась за помощью к Достиеву, в МВД, КНБ и прокуратуру Таджикистана, и нигде, к сожалению, им не смогли предоставить какую-либо информацию о местонахождении двух братьев.

**Политические заключенные¹³ и возможные политические заключенные;
жестокое обращение при содержании под арестом;
нарушения прав обвиняемых**

Международный пакт о гражданских и политических правах гарантирует свободу самовыражения (Статья 19) и ассоциаций (Статья 22); запрещает произвольное содержание под арестом (Статья 9) и налагает запрещение на пытки (Статья 7); гарантирует обвиняемым неоспоримое право на юридическую помощь «по его собственному выбору» (Статья 14.3г).

Нынешнее правительство возлагает вину за гражданскую войну и ее трагические последствия на так называемую «исламско-демократическую оппозицию», и рассматривает приход к власти предшествовавшего правительства как незаконный. В развитие этой позиции 5 января 1993 г. прокуратура Таджикистана начала следствие по уголовному делу об организации «государственного переворота, массовых общественных беспорядков, совершении тяжких преступлений во время боевых действий» и т.д. 7 января было заочно возбуждено уголовное дело в отношении лидеров оппозиции, в числе которых были Шодмон Юсуп (председатель Демократической партии Таджикистана), Давлат Усмон (заместитель председателя Исламской партии возрождения) и Акбар Кахаров (бывший казикалон Турджонзода, религиозный лидер Таджикистана). По меньшей мере пятнадцать лидеров, активистов и рядовых членов политических партий, входивших в состав этой коалиции, в настоящее время либо содержатся в предварительном заключении, либо уже осуждены и находятся в тюрьме.

Правительство объявило по меньшей мере три амнистии в течение прошлого года. Когда в Ходженте собралась 16-я сессия Верховного Совета, одной из мер, принятых для достижения национального согласия, была политическая амнистия. Многие надеялись, что амнистия будет распространяться на всех, кто принимал участие в антиправительственной деятельности или воевал в период гражданской войны (за исключением тех, кто совершил преступления против гражданского населения). Вступившая в силу 25 ноября амнистия вместо этого носила, однако, ограниченный характер, освободив от уголовной ответственности тех, кто захватывал правительственные здания или государственные предприятия; блокировал транспортные пути и теле— и радиостанции, организовывал, возглавлял или участвовал в несанкционированных демонстрациях; присвоил государственную собственность до 31 декабря 1992 г. (при условии возвращения похищенного) или нарушал государственные границы (за исключением случаев, связанных с транспортировкой наркотиков).

Амнистия не распространяется на лица, обвиняемые в призывах к насильственному свержению власти, заговоре с целью захвата власти, организации массовых беспорядков, и т.д. Тем самым практически абсолютное большинство участников событий апреля-мая в Душанбе, а тем более, последующих вооруженных столкновений может быть привлечено к уголовной ответственности, если их сочтут организаторами.

Под амнистию марта 1993 г. попали в том числе и инвалиды I и II групп, лица старше 50-ти лет, женщины, имеющие малолетних детей и беременные женщины. Действие амнистии,

объявленной председателем Верховного Совета Эмомали Рахмоновым в июне 1993 г., распространялось на тех, кто в период гражданской войны взялся за оружие не по своей вине.

Мирбобо Миррахимов, Ахмадшо Комилов, Хайриддин Касымов, Хуршед Назаров

8 января силы безопасности Таджикистана и Туркменистана арестовали в Ашгабате (Туркменистан) **Мирбобо Миррахимова**, 1952 г.р. Миррахимов, председатель Госкомитета Таджикистана по телевидению и радиовещанию при коалиционном правительстве, был выдан властям Таджикистана 20 января, а 17 февраля Генеральная прокуратура Таджикистана предъявила ему обвинение в заговоре с целью свержения правительства (квалифицируется как измена по статье 61 УК Таджикистана). На следующий день прокуратура возобновила против Миррахимова дело по обвинению в клевете (Ст. 138.3) в связи с якобы распространявшимися им ложными слухами о правительстве 28 сентября 1991 года. В беседах с представителями ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/ Хельсинки Вотч представители прокуратуры и КНБ неоднократно обвиняли Миррахимова и трех других журналистов (см. ниже) в разжигании межнациональной розни, хотя об этом не упоминается в официально предъявленном обвинении.

16 января силы безопасности Таджикистана, во взаимодействии с их киргизскими коллегами, арестовали трех тележурналистов в г. Ош, Кыргызстан. Этими журналистами были: **Ахмадшо Комилов**, 1952 г.р., директор телестудии Таджикистана при коалиционном правительстве; **Хайриддин Касымов**, 1954 г.р., и **Хуршед Назаров**, 1968 г.р. По сообщению Генеральной прокуратуры Таджикистана, 17 января всем троим было предъявлено обвинение в «агитации и пропаганде, призывающей к насильственному свержению правительства» (Ст. 67.1). По слова должностных лиц прокуратуры, с которыми встречались представители ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, их также обвиняют в хищении государственного имущества в связи с найденными при них видеокамерой, видеокассетами и тем обстоятельством, что они уехали из Душанбе на государственной автомашине. 8 марта их дело было объединено с делом Миррахимова.

Прокуратура в обоснование выдвинутых против четырех вышеупомянутых лиц обвинений указывает на то, что они «заняли руководящие посты в Госкомитете по телевидению и радиовещанию и использовали средства массовой информации в интересах оппозиции». ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч убеждены в том, что обвинения против четырех журналистов имеют политическую мотивацию. Поскольку следствие еще не завершено, прокуратура отказывается информировать ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч о конкретных фактах, которые легли в основу обвинений по Ст.61 и 67.1.

В ходе большей части допросов Миррахимов, Назаров, Комилов и Касымов не имели адвокатов отчасти, по некоторым сведениям, из-за боязни местных адвокатов вести это дело и отчасти вследствие нехватки средств. ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч /Хельсинки Вотч получали с февраля чрезвычайно тревожные сообщения о том, что сотрудники правоохранительных органов избивают и пытаются Миррахимова, Комилова, Касымова и Назарова. В частности, в начале января, как сообщают, Касымову сломали нос и выбили передние зубы. ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч располагают информацией из надежных источников о том, что примерно с апреля, т.е. на завершающем этапе следствия, жестокое обращение с задержанными прекратилось. Одной из основных целей нашей миссии в Таджикистане, что неоднократно заявлялось на наших встречах с официальными лицами, было подтвердить или опровергнуть эти сообщения. Вместе с Сергеем Ковалевым, председателем Комитета по правам человека Верховного Совета Российской Федерации, мы обратились к высокопоставленным должностным лицам в правительстве — включая Председателя Верховного Совета Республики Таджикистан

Эмомали Рахмонова — за разрешением на посещение четырех обвиняемых в предварительном заключении. Генеральный прокурор обещал предоставить такое разрешение и предложил нам уточнить детали со следователем, возглавляющим работу по этому делу. Председатель КНБ Саидамир Зухуров отрицал, что в предварительном заключении КНБ имеют место нарушения при обращении с кем-либо из заключенных, настаивая на том, что «у нас здесь ничего такого нет, я гарантирую. Больше того, с первых дней я пообещал сурово пресекать любые [нарушения], передавать дела в суд».

Несмотря на свои обещания, Генеральный прокурор и председатель КНБ не дали указания следователю разрешить нашей группе посещение подследственных. Последний, следователь КНБ Махаматали Шафоатов, отказал нам в доступе к подследственным, сославшись на необходимость «соблюдения тайны следствия». Мы согласились не настаивать на беседе с подследственными, а ограничиться только свиданием с ними. После этого Шафоатов начал «торговаться» о дистанции: он предложил показать нам подследственных на расстоянии 15, 10 метров, а в конечном итоге предложил провести их мимо нас на расстоянии 5 метров. Он категорически отверг возможность того, чтобы подследственные снимали рубашки и врач ПЦ «Мемориал» смог осмотреть состояние их тела. ПЦ «Мемориал» и «Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч» отклонили возможность посещения на подобных условиях и прервали встречу в еще большем убеждении, что четверых задержанных действительно жестоко избивали. Послу США в Таджикистане Стэнли Эскудеро было разрешено встретиться с Миррахимовым несколько месяцев спустя.

У ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч есть основания полагать, что в отношении других лиц, обвиняемых в том, что они выступали за насильственное свержение правительства, допускаются грубые нарушения обращения в заключении. Среди фактов, которые привели нас к этому выводу, можно назвать письмо подозреваемого, тайно переправленное из предварительного заключения и адресованное представителю ООН в Душанбе (мы не раскрываем детали в интересах обеспечения безопасности этого человека). В письме утверждалось, что арестованных по политическим мотивам жестоко пытаются и подвергают унижениям в предварительном заключении в городах Душанбе и Кофарнихоне.

Бозор Собир

26 марта сотрудники правоохранительных органов Таджикистана задержали в аэропорту Душанбе на пути в Москву **Бозора Собира**, пятидесятилетнего известного поэта, лауреата Премии Рудаки в области литературы. При встрече с нами прокуратура признала, что на момент задержания не располагала юридическими основаниями для ареста Б.Собира. Генеральный прокурор Мамадназар Солихов сообщил нам, что одной из причин задержания Собира было то обстоятельство, что у него с собой был заграничный паспорт:

Мы не знали, что у него с собой паспорт, мы не арестовывали его, в конце концов. Затем из милиции сообщили, что его арестовали при попытке пересечь границы страны. В связи с этим было начато подробное расследование. В момент ареста на него не было заведено никакого уголовного дела... У нас была на него определенная информация, но нам нужно было время для установления доказательств.

Ордер на его арест был выдан прокуратурой три дня спустя, и 5 апреля Собиру было предъявлено обвинение в подстрекательстве к незаконному лишению свободы (ст. 17 и 13.5 ч.2) и в попытке разжигания межнациональной розни (ст. 15 и 71). Прокуратура информировала ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, что первая группа обвинений была выдвинута в связи с инцидентом 21 апреля на площади Шахидон, где Б.Собир, обращаясь к митингующим, якобы сказал: «С этими депутатами по-хорошему нельзя говорить, надо говорить по-плохому». Впоследствии митингующие захватили в

заложники группу депутатов Верховного Совета, отпустив их на следующий день после выполнения поставленных условий. Следователь передал нам ксерокопию опубликованного в газете «Чароги Руз» (одна из основных оппозиционных газет) стихотворения Б.Собира «Смешивающая кровь с мукой», антирусской направленности, по его словам. Это стихотворение и неопубликованная статья «Красный пантюркизм», обнаруженная при обыске в его доме после ареста, по словам следователя были направлены на разжигание межнациональной розни и составляют вторую группу обвинений.

Мы в принципе считаем, что первая группа обвинений противоречит праву Собира на свободу слова, а данное выступление не является «речью, возбуждающей ненависть». Помимо этого, ознакомившись с подстрочником, выполненным независимым переводчиком, не знавшим автора стихотворения, мы не могли не прийти к выводу, что в ней изложены антиимперские взгляды поэта, а не положения, очерняющие какую-либо нацию. Они направлены против России — в представлении автора империи, которая и «русских погубила очень много». Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч и ПЦ «Мемориал» считают, что уголовное преследование Собира в связи с написанием им этого стихотворения, равно как и за его неопубликованную статью, нарушает его право на свободу выражения убеждений.

До 1988 г. Бозор Собир работал консультантом в Союзе писателей Таджикистана. Он был членом ДПТ; вышел из партии, как утверждает его жена Гульчехра Собир из-за разногласий с руководством партии.

Прокуратура разрешила одному из членов нашей миссии посетить Бозора Собира в предварительном заключении. Встреча происходила не в конфиденциальной обстановке, как мы просили, а в присутствии следователя. По нашему мнению, Собир не подвергался физическому насилию или угрозам его применения. Несмотря на слабое здоровье (Б.Собир страдает от гипертонии) и вопреки личной просьбе Председателя Комитета Верховного Совета РФ по правам человека С.Ковалева, его не перевели под домашний арест. Первому адвокату Б. Собира, гражданину России из Санкт-Петербурга, был разрешен доступ к подследственному. Представителям международных организаций также было разрешено посетить Б. Собира.¹⁴

Муллобек Файзиев

42-летний Муллобек Файзиев, работавший курьером в Министерстве иностранных дел, хотя и не был членом ДПТ, но, как представляется, симпатизировал оппозиции и участвовал в демонстрациях на площади Шахидон. 26 февраля Файзиева арестовали и предъявили обвинение в измене (Ст. 69) и злоупотреблении служебным положением (Ст. 216) за якобы имевшее место его участие в захвате заложника в конце 1992 г. Файзиев якобы захватил журналиста из Министерства иностранных дел, доставил его в штаб-квартиру ДПТ, затем в казиат, затем снова в штаб-квартиру ДПТ, где последний при попытке к бегству был ранен в ногу. Файзиев не обвиняется в том, что стрелял в журналиста; он признал справедливость ряда выдвинутых против него обвинений. На момент написания настоящего доклада в судебном процессе по его делу объявлен перерыв.

Ойнихоль Бобоназарова

Ойнихоль Бобоназарова была арестована 8 октября 1993 г., ей было предъявлено обвинение в нарушении Ст. 69 (организация деятельности, представляющей особую угрозу для государства) и Ст. 61 (заговор с целью свержения правительства, квалифицируется как измена) УК Таджикистана. Прокуратура выдвинула обвинения в связи с членством О. Бобоназаровой во Фронте национального спасения. Бобоназарова была также видным членом ДПТ, а с 1989 г. к деканом юридического факультета Госуниверситета Таджикистана. По словам ее мужа Джунаида Ибодова,¹⁵ обвинения не были связаны с какими-либо

конкретными действиями со стороны О.Бобоназаровой, они были выдвинуты просто потому, что она была членом Фронта национального спасения. По сообщениям, в течение 1993 г. ее часто вызывали на допросы в прокуратуру и КНБ, спрашивали о ее связях с ДПТ, Фронтом национального спасения, с отдельными лидерами оппозиции.

Адвокату Бобоназаровой Назришо Убаидову только однажды разрешили встретиться с подзащитной. В начале ноября она была переведена под домашний арест.

Члены ИПВ

Республиканская прокуратура по собственной инициативе предоставила представителям ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч возможность встретиться с тремя членами ИПВ — отобранными прокуратурой — в следственном изоляторе № 1. Встреча проходила в отдельном помещении на территории изолятора и в кабинете начальника, а не в камерах, и в присутствии руководителя следственной группы. Мы неофициально выразили свой протест, так как это отличается от нашей обычной практики. Мы могли задавать вопросы только об условиях содержания и соблюдении уголовно-процессуальных норм в отношении обвиняемых.

Нашими собеседниками были **Аджик Алиев**, **Искандер Разыков** и **Махмад Назимов**.

Аджик Алиев, 44-летний мулла и председатель Дангаринской районной организации ИПВ (Хатлонская область). 25 августа Верховный суд Таджикистана приговорил Алиева к смертной казни по обвинению в терроризме, измене и заговоре с целью свержения правительства. Как утверждают, Алиев убил девять милиционеров в Шаншаре, на севере Хатлонской области.¹⁶

Махмад Назимов, 45-летний житель Себистона, в бывшей Кулябской области, член ИПВ. 25 августа Верховный суд Таджикистана признал Назимова виновным в публичных призывах к насильственному свержению правительства и приговорил его к трем годам лишения свободы в тюрьме общего режима. Назимов — инвалид I группы, однако предъявленные ему обвинения не позволяют ему воспользоваться мартовской амнистией. Назимов заявил представителям ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, что, несмотря на инвалидность и наличие жалоб, он не находится под постоянным наблюдением врача.

Искандер Разыков, 35-летний председатель кишлакской организации ИПВ в Ленинском районе. Обвинен в публичных призывах к насильственному свержению правительства.

Трем вышеупомянутым лицам не было обеспечено право на соблюдение в полном объеме процессуальных норм. Во-первых, к ним всем крайне поздно допустили адвокатов. Алиев заявил представителям ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, что следователь требовал от него подписать заявление об отказе от адвоката, что Алиев делать отказался. Адвокат Алиева был допущен к делу только в середине июня, после окончания следствия. Следователь настаивал, что Алиев отказался от услуг предложенного прокуратурой адвоката. По утверждению Разыкова, во время следствия ему не был предложен государственный защитник, а сам он не имел возможности нанять адвоката, потому что его родственники не знали, где он находится. После окончания следствия в качестве государственного защитника ему предложили адвоката-женщину, от услуг которой он отказался. Следователь утверждает, что Разыков подписал три отдельных заявления об отказе от адвоката. Назимов также заявил, что у него нет адвоката. Следователь тогда же сообщил нам, что родственники наняли ему адвоката Юсупову, но пока допросов нет и адвокат Назимову не нужен. Назимов в ответ заметил: «Я впервые узнал, что у меня есть адвокат».

Во-вторых, в случае с Алиевым, в качестве суда первой инстанции выступал Верховный суд Таджикистана, а его коллегия, по-видимому, будет играть роль апелляционного суда.¹⁷ Таким

образом, Алиев будет лишен возможности представить апелляцию на рассмотрение отдельного вышестоящего суда.

Ни один из подследственных не жаловался на плохое обращение в заключении.

Случаи в Ленинабадской области

Гражданская война практически никак не затронула Ленинабадскую область. С января 1993 г. правоохранительные органы начали кампанию арестов лидеров и сторонников Растохеза, ИПВ и ДПТ, в основном по обвинению в незаконном хранении наркотиков или оружия. Один из членов ДПТ в Ленинабадской области, присутствовавший на нескольких процессах над активистами ДПТ, сообщил представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, что в трех случаях и следствие, и суд отказывались от проведения дактилоскопической экспертизы найденного оружия.

Среди задержанных активистов из Ленинабадской области были следующие лица:

Джумбой Ниезов, председатель организации ДПТ в Ленинабадской области, был арестован 13 января за хранение 30 патронов (Ст. 234.1) в штаб-квартире ДПТ в Худжанде. Ниезов, старший преподаватель Ходжентского политехнического института, был осужден 5 марта 1993 г. и в настоящее время отбывает 7-летний срок тюремного заключения в Яванской колонии.

В день ареста в доме Ниезова был проведен обыск, однако следователи не нашли ничего предосудительного. По словам адвоката Ниезова Валиджона Файзиева, немедленно после обнаружения патронов Ниезов потребовал проведения дактилоскопической экспертизы, однако следователь отказался.¹⁸ Файзиев заявил представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, что «там не было оснований для обвинения. В соответствии с процессуальными нормами, следователь был обязан провести экспертизу... мы заявили в суде о необходимости проведения экспертизы. Суд также отказал. До самого конца мы настаивали на ее проведении, любой ценой».

Саидшо Акрамов, главный хирург Матчинской районной больницы, был арестован 18 января по обвинению в нарушении Ст. 234.1. Его жена не имела, как сообщают, никаких известий о местонахождении своего мужа по меньшей мере в течение десяти дней после его ареста. В апреле его дело было передано из Мачинской районной прокуратуры в прокуратуру Ленинабадской области. Его освободили из предварительного заключения 6 мая по медицинским показаниям, и в момент написания данного доклада он все еще ожидал суда.

Нуриддин Садриддинов, председатель Ленинабадской областной организации «Растохеза», в настоящее время отбывает 10-летний срок тюремного заключения за хранение патронов. Садриддинов, врач в возрасте 43-44 лет, был арестован 22 января и осужден в марте Аштским районным судом.

Хаджаолим Юсуфджанов, 38 или 39 лет, был членом совета ИПВ, по профессии — заведующий магазином. Арестован в феврале по обвинению в хранении гранаты; 4 мая городской суд Ходжента объявил о передаче дела на доследование.

Файзулло Файзиев, председатель Ходжентской городской организации ДПТ, был арестован в феврале и вскоре отпущен.

Рустам Мухамаджанов, заместитель председателя Ходжентской городской организации Демократической партии Таджикистана, был арестован 4 января по обвинению в продаже государственного имущества. В марте обвинения против Мухамаджанова, бизнесмена, были сняты, и он был освобожден. Мухамаджанов заявил представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, что он был «в начале их списка», потому что участвовал в политике и потому что был богат и часто давал деньги на благотворительные проекты.¹⁹ Он сказал нам:

«Поскольку я — один из лидеров Демократической партии Ходжента, они все время считали, что я помогаю финансировать вооруженные группировки. Но это не так. Я платил взносы, платил за обеспечение офиса ДПТ».

Арест Мухамаджанова, очевидно, предполагалось провести втайне. Его близкие несколько дней не знали о его местонахождении, а ему самому отказывали в доступе к адвокату. Он рассказал представителям Хьюман Райтс Вотч о своем аресте, происшедшем при крайне неординарных обстоятельствах, а также о пребывании в заключении:

Я был дома, когда они арестовали меня. Их было восемь человек. Один из них, офицер МВД, сказал, что его начальник хочет срочно меня видеть. Обвалилась крыша у здания милиции, и им нужна была моя помощь. Когда мы добрались до отделения, мне показали, где обвалилась крыша. Потом меня отвели в другую часть здания, там они быстро заломили мне руки за спину, направили на меня автомат и обыскали меня. Я сказал: «Что вы делаете, вы не имеете права делать этого». Они только говорили: «У тебя нет никаких прав. Для вас, демократов, все кончено». Они бросили меня в КПЗ. Я просил адвоката, но они сказали, что арест секретный и что я не могу обратиться к адвокату.

Я находился в КПЗ, рассчитанной, наверное, на четырех человек, но там было человек 15-16, в большинстве — уголовники. У одного из парней, сидевших там, были водка и гашиш. Он сказал, что достал это, когда его вызвали на допрос. Ему дала это милиция, если он «убьет исламиста». Так он мне сказал. Он сказал мне об этом после того, как мы вместе выпили водки.

Через двадцать дней Мухамаджанова перевели в следственный изолятор, а три месяца спустя его освободили, хотя он все еще находился под следствием. 25 августа около 50 милиционеров окружили его офис, требуя от сотрудников сказать, где находится Мухамаджанов. Он рассказал представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч:

[Мои сотрудники рассказали мне, что] они стали повсюду искать меня. Они опечатали мой офис. Спрашивали, помогаю ли я вооруженным силам оппозиции. Мой помощник позвонил мне домой и предупредил, так что я скрылся. Милиция пришла ко мне домой через двадцать минут, разыскивая меня. Жена отказалась разговаривать с ними или впустить их в дом.

Запрет оппозиционных партий и организаций

Статья 22 «Международного Пакта о Гражданских и Политических правах» гарантирует свободу ассоциаций и запрещает ограничения «иные, чем те, ... которые необходимы в демократическом обществе в интересах обеспечения национальной или общественной безопасности, общественного порядка, защиты здоровья членов общества или общественной морали или защиты прав и свобод других членов общества».

9 сентября 1993 г., выступая на официальной церемонии по случаю Дня независимости Таджикистана, председатель Верховного Совета Рахмонов говорил о намерении развивать политический плюрализм в Таджикистане.²⁰

21 июня 1993 г. Верховный суд Таджикистана принял решение о запрещении Исламской партии возрождения, Демократической партии Таджикистана, движений «Растохез» и «Лали Бадахшан» — основных организаторов демонстраций на площади Шахидон, участвовавших в коалиционном правительстве или поддерживавших его. Гражданское дело было возбуждено

против них в связи с нарушением Конституции и «Закона об общественных объединениях». Основанием обвинения послужила роль указанных организаций в несанкционированных демонстрациях на площади Шахидон, а также в создании вооруженных формирований из числа демонстрантов, организации Штаба национального спасения, координировавшего деятельность боевиков в период гражданской войны, и, наконец, в свержении Президента Набиева.²¹

«Гульчера», местный внештатный сотрудник одного из международных информационных агентств, критически настроенная по отношению к коалиционному правительству и политической оппозиции, присутствовала на судебных заседаниях по делу о четырех оппозиционных организациях.

«Дело против ДПТ — чисто политическое, — заявила она представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч. — Основное обвинение связано с созданием вооруженных формирований, что является противозаконным. Но Народный Фронт делал то же самое. Верховный Суд утверждает, что Народный Фронт был зарегистрирован в Турсунзаде, так что [по закону] он должен был действовать только в том районе. Все это — чистая политика».

Когда суд принял решение, ни один человек не был привлечен к суду за противозаконные действия, перечисленные выше, а следствие по многим делам такого рода еще не было завершено. Отстаивая коллективный подход прокуратуры, заместитель генерального прокурора заявил представителям ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч:

С точки зрения уголовного права, мы привлечем к суду несколько конкретных лиц. С точки зрения административного и гражданского права, как мне кажется, в этом нет необходимости. Раз у нас есть факты несанкционированных демонстраций, захвата заложников, создания полувоенных формирований и организации переворота, с точки зрения административного права этого достаточно.

ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч считают, что только после установления судами вины значительного количества их членов и доказанности вины их руководства можно переходить к решению вопроса о законности деятельности организации в целом. В ином случае на основании принципа коллективной ответственности нарушаются права членов этих организаций на свободу ассоциаций. До этого, в условиях объявленного чрезвычайного положения, когда это право может быть ограничено по ст.4 ч.1 «Международного Пакта о Гражданских и Политических правах», деятельность организаций может быть лишь ограничена. Между тем мы знаем, что деятельность по крайней мере двух из этих организаций в республике не была приостановлена, то есть правительство не считало деятельность этих организации общественно опасной в период перед началом суда.

Члены указанных организаций отказались присутствовать на процессе в принципе, а также по соображениям безопасности. У этих организаций не было адвоката. «Салим», член совета ДПТ,²² полагает, что было бы бесполезно предпринимать какие-то действия по обеспечению представительства в суде и организации защиты четырех организаций, принимая во внимание тесную связь суда с правительством и активную кампанию против них в прессе. Салим заявил представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч:

Мы слышали это каждый день. В программах новостей и литературных и политических телепередачах рассказывали, как мы [виноваты во всем]: мы развязали войну, мы организовали свержение правительства. Я читал в газетах, что это я все сделал, и тем не менее, я все еще имею право ходить по улицам.

Только два представителя этих организаций в результате настойчивости одного из судей появились на процессе. Сабзали Рахмонов, заместитель председателя Верховного суда,

утверждал, что прокуратура обещала гарантировать безопасность присутствующим на процессе членам партий. Рахмонов заявил представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч:

«Мы дали объявление по телевидению и радио, но не получили никакого ответа. Мы сказали, что если вы придете на суд, мы гарантируем, что вас не арестуют. Мы вызываем свидетелей [от партий], но они не появляются и не звонят».

Объясняя мотивы своего нежелания присутствовать на суде для защиты ДПТ, один из высокопоставленных деятелей партии из Куляба заявил представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч:

«Люди из оппозиционных партий не присутствуют на суде, ... потому что опасаются за свою жизнь... Только дураки идут прямо к месту казни. Но как демократы мы готовы нести ответственность перед законом».²³

Собеседник просил не называть его имени. Примечательно, что до запрещения указанных партий правительство не вводило временный запрет на их деятельность, что заставляет предположить, что оно не рассматривало деятельность этих партий в течение прошедших месяцев как представляющую угрозу для общества.

Притеснения

Один из членов «Растохеза» объяснял представителям ПЦ «Мемориал» и «Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч», что его организация не проводила собраний после 10 декабря (когда правительственные войска взяли Душанбе), потому что штаб-квартира подвергалась обстрелам во время ночных нападений в последующие дни, и члены организации не чувствовали себя там в безопасности. Поскольку они, как сообщают, предвидели, что штаб-квартире будет угрожать опасность, они вывезли все имущество, и там не было ничего, что могли бы украсть нападавшие.

Зимой 1993 г. остававшихся в Душанбе членов четырех движений — прежде всего «Растохеза» и ДПТ — и их сторонников вызывали на допросы, в их домах проводились обыски и, по некоторым сообщениям, осуществлялась слежка за их передвижениями. Политические активисты также рассказали о типичном характере притеснений со стороны вооруженных групп, обычно идентифицируемых как кулябцы.

А.К., член руководящего совета «Растохеза», рассказал представителям ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч о том, что он пережил:

Это было когда-то в феврале, я точно не помню. Меня вызывали два или три дня подряд. Потом они обыскали мой дом и забрали одну из написанных мной книг. Человек, который меня допрашивал, был вежлив. Он не запугивал меня и не ругался. Он сказал, что многие считают, что интеллигенцию нужно сохранять.

Чинигуль Каримова, женщина старше 40 лет, преподавала таджикский язык и литературу и была активным участником «Растохеза». Каримову вызывали на допрос около четырех раз с января до конца апреля 1993 г. Во время первого допроса местный представитель МВД предложил ей выступить по телевидению с осуждением руководства ДПТ. Каримова заявила представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч:

«Мне сказали: — Идите на ТВ, скажите, что они вас обманули, что они давали вам деньги. [Если вы сделаете это], вас оставят в покое».

Она не согласилась на это предложение. Последний допрос 29 апреля, как сообщают, продолжался восемь часов в районном управлении МВД. Допрашивающие под

руководством, по ее сведениям, лейтенанта Шарифа Баротова спрашивали, убивала ли она кулябских женщин, распределяла ли оружие или уважает ли она (председателя ДПТ) Шодмона Юсупа. Ее также попросили объяснить, почему она участвовала в митингах на площади Шахидон весной 1992 г. Сотрудники МВД дважды угрожали завести уголовное дело против нее, хотя не указывали при этом, в совершении каких преступлений ее могли бы обвинить. После восьми часов допроса в милиции Каримову доставили к районному прокурору, где ее спрашивали о ДПТ.

Пресса

Приход к власти нынешнего правительства в Таджикистане негативно отразился на свободе выражения убеждений.²⁴

В первое время после смены режима в основе давления на журналистов лежало очевидное стремление вооруженных группировок, связанных с Народным Фронтом, а также кулябцев отомстить газетам и журналистам, выступавшим с наиболее острой критикой в их адрес. В декабре многие из последних, спасаясь, покинули Таджикистан. Редакции «Адолата», газеты ДПТ, и «Чароги Руз», независимой газеты, были разгромлены; журналисты и редакторы этих газет живут в настоящее время в изгнании. Должностные лица Таджикистана никогда официально не отдавали распоряжение о закрытии вышеуказанных газет. Один из местных внештатных сотрудников международного информационного агентства заявил представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, что «не существует официального решения о закрытии газет. ИПВ и ДПТ ушли в подполье, поэтому газеты не могли выходить».

Отвечая на вопрос, почему он покинул Таджикистан в начале января, Абдулвахид Икрамов, директор и корреспондент «Адолата», сказал:

«Как можно было не уехать, когда правительством на вас оказывается давление? Неважно, вооружены они или нет, [вы понимаете]. Непосредственно перед [16-й] сессией Верховного Совета депутаты говорили, что они исправят «Адолат» и «Чароги Руз». [Многие] из нас уехали, потому что знали: они разделяются с нами».

Салим Аюб, главный редактор «Чароги Руз», заявил представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, что ему пришлось бежать из Душанбе 23 декабря 1992 г. на грузовом самолете через Ашгабат. Аюб рассказывает:

10 и 11 декабря мы работали. Я видел, как МВД вошло в город. 11-го вооруженные люди пришли за мной домой, у них были автоматы. Мой брат сказал им, что я на работе. После этого я стал скрываться в домах друзей. До меня доходили слухи, что они собираются придти [на работу], поэтому 12-го я на работу не пошел. [Я слышал, что они] ходили в Дом печати, ходили по всем редакциям, разыскивая нас.

Дододжон Атовулло, основатель «Чароги Руз», не хотел покидать Душанбе и оставался в городе вопреки серии угроз до того, как уехать в конце декабря. В начале декабря в газету звонили из КНБ.

«У нас были хорошие отношения с КНБ,— заявил Атовулло представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч в Москве, 3 сентября 1993 г. — Мы готовили первый выпуск газеты после прихода этого [правительства к власти]. Они спросили нас: «Что вы собираетесь делать? Подождите опубликовать, не трогайте это правительство». На следующий день вооруженные люди появились в издательском центре со старым номером «Чароги Руз», где были фотографии

редакторов и корреспондентов газеты. «Люди из другой газеты позвонили и сказали, что нас ищут вооруженные люди, с фотографиями. Это было во время полного хаоса в городе, когда хлеба не было».

В тот же день, по словам Атовулло, сотрудник КНБ навестил дома его жену и рекомендовал уехать; чтобы избежать опасности, Атовулло и его коллеги стали жить у друзей. Соседи впоследствии сказали ему, что в его квартире в центре города начали появляться вооруженные люди (Атовулло в то время жил в своем новом доме). Примерно неделю спустя соседи сказали ему, что «двое боевиков ждали меня всю ночь. Парни в форме, с автоматами. Моя соседка видела их с балкона, они были там всю ночь. После этого я понял, что нужно уезжать». Атовулло уехал в кишлак близ Пенджикента на северо-западе Таджикистана, где живет его мать. 7 февраля, через день после его отъезда в Россию, сотрудники органов безопасности Таджикистана пришли за ним в дом его матери. Они обыскали дом и задержали двух других журналистов из «Чароги Руз», которые жили поблизости. Атовулло рассказывает представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч:

Они пришли в 6 часов вечера. [Моя мать сказала мне, что] к дому пришли 56 человек [из КНБ]. Они вошли в дом и окружили все снаружи: каждое окно и каждую дверь. Они провели полный обыск. Хотели взять мои личные фотографии. Спросили, почему моя мать держит экземпляр Корана. Они спрашивали, где я, мой адрес. После нашего дома они отправились на поиски **Абдукаюма Каюмзода** [журналист «Чароги Руз»]. Каюмзод сказал мне, что они все время спрашивали, какие у него отношения с американским посольством, почему люди из посольства приходили к ним в дом, откуда газета получает деньги, какие у нас отношения с Кази. Они хотели посмотреть его рукописи. Они пытались увести его, но соседи и местные женщины окружили их и не отдали [Абдукаюма]. В тот же день забрали **Абдукодыра Рустама** [также из «Чароги Руз»] в Панджруте, примерно в тридцати километрах от дома моей матери, и поэта по имени **Бахманер**. Но мы устроили такой скандал, что на следующий день их освободили.

В течение зимних месяцев 1993 г., после того как многие журналисты, связанные с политической оппозицией, покинули Душанбе, их дома, как сообщают, подвергались обыскам и разграблению не только личного имущества, но также газетных архивов, видео- и аудиоматериалов и другой журналистской информации. Неясно, были ли грабежи санкционированы правительством, и было ли последнее в курсе происходившего. После ограбления милиция уже не проводила обыск, потому что, как иронизировал один из журналистов, живущий в изгнании в Москве, искать было уже нечего. Дододжон Атовулло заявил представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, что

«200 кассет с моими интервью с политическими деятелями, поэтами — всеми, с кем я встречался, были украдены. Такая же участь постигла рукописи, написанные мной за прошедшие годы, даже относящиеся к периоду, когда в Таджикистане еще не было свободы слова. Сосед сказал мне, что ничего не осталось. Но дверь была открыта, любой мог войти».

Исключением из общей практики погромов и грабежей представляется случай с **Тимуром Клычевым**, независимым журналистом, чьи статьи часто появлялись в «Московских новостях». Т. Клычев жил с родителями жены, которые остались в Душанбе после прихода нынешнего правительства. Он заявил представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, что 20 марта следователи пришли с ордером на обыск и изъятие в дом его родителей, обыскали помещение и забрали архивы, записные книжки, информацию о ИПВ, ДПТ, «Растохезе», фотографии и копии. Помимо этого, милиция забрала его университетскую диссертацию и личную переписку с женой, альбом семейных фотографий и записи

популярной музыки.²⁵ К настоящему времени против Клычева не выдвинуто никаких уголовных или гражданских обвинений.

Как сообщают, продолжающие выходить в Таджикистане газеты активно практикуют самоцензуру. Комментируя узкий спектр представленных в таджикских газетах политических взглядов, женщина-журналист, активно критиковавшая коалиционное правительство, заметила: «В местных газетах отсутствует критический тон. Нет ни малейшего следа голоса оппозиции, особенно в прессе, потому что они все финансируются правительством. Каждый редактор сам выполняет функции Главлита».²⁶ Другой внештатный сотрудник в отдельном интервью Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч сказал: «Критика правительства отсутствует. Вы даже не услышите ничего плохого о правительстве или Народном Фронте». Он также сообщил, что существует список журналистов из официальных газет, которых уволили за сотрудничество с оппозицией.

«Радио Свобода» ведет передачи на Таджикистан на таджикском и русском языках. В конце марта один из московских корреспондентов РС сообщил Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, что передачи РС глушились 15 и 16 марта. Мы также получили сообщения, что таджикскую службу РС систематически отключают, когда начинается передача материалов о Таджикистане. Такие московские газеты, как «Известия», «Московские новости», «Независимая газета», как сообщают, доступны только подписчикам, но исчезли из киосков. Распространители, по сведениям, утверждают, что они не направляют эти газеты в киоски, потому что из-за недостатка покупателей терпят убытки. Тем не менее, критическая позиция, которую эти газеты обычно занимают в связи с Таджикистаном, дает основания предположить, что их распространению препятствует политическое давление.

БЕЖЕНЦЫ И ВЫНУЖДЕННЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Международное право и нормы обращения с беженцами гарантируют людям право на защиту от насильственного возвращения в места, где они опасаются преследований.¹ Возвращающимся беженцам также должно быть гарантировано право свободного и беспрепятственного возвращения на родину, и свободы передвижения и выбора места жительства в пределах этой страны.

Для осуществления беженцами последних из указанных прав они также должны иметь доступ к точной текущей информации об условиях, с которыми они могут столкнуться при возвращении. Международное право не оговаривает особо права вынужденных переселенцев, однако Хьюман Райтс Вотч и ПЦ «Мемориал» считает, что к ним в равной мере применимы нормы международного гуманитарного права в области прав беженцев.

Введение

По данным обследования, проведенного Верховным комиссариатом ООН по делам беженцев (UNHCR) и Международным комитетом Красного Креста (МККК), и дополненным информацией правительства Таджикистана, общее количество перемещенных лиц оценивалось в 486 тыс. человек из общего числа населения примерно 5,6 млн.² Из них примерно 60 тыс. человек составляли беженцы на территории Афганистана. Первоначально на афганскую территорию перешло около 90 тыс. чел., однако впоследствии 30 тыс. самостоятельно вернулись обратно через Амударью, многие — в Горный Бадахшан.

Под эгидой UNHCR таджикские беженцы начали возвращаться из северного Афганистана в свои дома в Хатлонской области в южном Таджикистане 15 мая 1993 г. UNHCR организовал и направляет процесс добровольной репатриации беженцев на основе предварительного соглашения с правительствами Афганистана, Таджикистана и Узбекистана через территорию которого проходит часть пути беженцев.

По словам дипломатов, некоторые страны в регионе настаивали на скорейшей репатриации беженцев чтобы изолировать их от влияния международных исламских организаций. UNHCR удалось обеспечить добровольный характер этого процесса. Согласно некоторым сообщениям, Президент Узбекистана Каримов настаивал на возвращении 2 тыс. беженцев в неделю. По мнению UNHCR, это превышало число беженцев, изъявивших желание вернуться в начале июня 1993 г.

Однако беженцы в Афганистане к лету 93 г., как представляется, не имели достаточной информации о ситуации в Таджикистане для принятия взвешенного решения о возвращении. UNHCR во взаимодействии с должностными лицами таджикского правительства и лидерами беженцев стремился изыскивать средства для обеспечения беженцев более полной информацией.

Столкновения на границе, усилившиеся в середине июля 1993 г., повлияли, среди прочих факторов, на решение UNHCR о частичной приостановке процесса репатриации.

Внутренние беженцы, или вынужденные переселенцы, как принято называть людей, вынужденных покинуть места своего постоянного обитания, но оставшиеся в пределах своей страны, стали возвращаться в свои края из других частей Таджикистана в середине марта. Эти люди, в основном гармцы, ушли осенью 1992 во время жестокой гражданской войны, в ходе которой гражданское население убивали или выгоняли из домов, исходя из их политической или региональной принадлежности. Беженцы-памирцы бежали в Горный Бадахшан, гармцы бежали из Курган-Тюбинской области в Гарм, Душанбе или другие места в горах к востоку от столицы. По возвращении они попадали во враждебно настроенное окружение; их все еще рассматривают как «врагов» с площади Шахидон, которые начали гражданскую войну.

Большая часть внутренних беженцев (до 80%) вернулись к своим домам по собственной воле или после того, как власти выслали их из Душанбе.³ Однако значительное число вынужденных переселенцев осталось в Гарме и Горном Бадахшане.

Положение многих вынужденных переселенцев, скопившихся в Хороге, столице Горного Бадахшана, лишенных достаточной пищи и крова, представляется отчаянным. В начале июня около 4 тыс. из них жили в аэропорту, бросаясь к каждому из немногих прибывающих самолетов в надежде вернуться домой, избежав трудного и опасного путешествия по наземным дорогам.⁴

МККК, международная организация «Врачи без границ» (MSF) и некоторые страны предпринимают усилия по оказанию этим людям какой-либо помощи.⁵

UNHCR вместе с должностными лицами Афганистана, Таджикистана и Узбекистана пытается гарантировать осуществление прав беженцев на беспрепятственное и добровольное возвращение и на защиту от репрессий. МККК и другие организации также предпринимают усилия по оказанию помощи возвращающимся людям в проведении восстановительных работ. Тем не менее, беженцы сталкиваются с препятствиями в осуществлении этих прав по обе стороны границы, а перемещенные лица, возвращаясь, испытывают притеснения и становятся в ряде случаев жертвами насилия. Особенно это было характерно для периода июля-августа 1993 г.

Хатлонская область и гражданская война

В состав современной Хатлонской области вошли бывшие области Курган-Тюбе и Куляб. Как указывалось выше, вынужденные переселенцы и беженцы возвращаются, главным образом, в районы бывшей Курган-Тюбинской области, где война отличалась наибольшей жестокостью. Ключ для понимания характера и объектов насилия в период гражданской войны, а также проблем, с которыми сталкиваются возвращающиеся беженцы, дает сложная

демографическая структура Курган-Тюбе. Расширение хлопководства в Курган-Тюбе в 1940-х и начале 50-х годов требовало большего количества рабочих рук в сельском хозяйстве. Сталин и его преемники принудительно переселяли в Курган-Тюбе, где редкое местное население состояло из узбеков, арабов и местных таджиков, таджиков-горцев из Гарма, с Памира и других регионов. Новые поселенцы жили в своих отдельных кишлаках, внутри смешанных колхозов. Вместо того, чтобы влиться в местное население, переселенцы стали отдельной «субэтнической группой», представителей которой соседи стали называть «гармцами».⁶

В начальный период гражданской войны гармские боевики, поддержавшие вновь сформированное коалиционное правительство, захватили контроль над городом Курган-Тюбе, где их мишенью стали сторонники старого режима, преимущественно — выходцы из Куляба и узбеки. Оттуда они также осуществляли наступательные операции в направлении Куляба, который оставался блокированным ими в течение нескольких месяцев.

Кулябские формирования Народного Фронта, выступавшие на стороне старой коммунистической элиты, начали наступление на Курган-Тюбе в октябре и захватили юг в начале ноября. Они систематически грабили и жгли гармские кишлаки. Возвращающиеся беженцы сообщали в июне 1993 г., что в листовках, которые разбрасывали с вертолетов в сентябре 1992 г., их предупреждали, что если они не уйдут, то будут атакованы (тактика, использовавшаяся также Советской Армией в Афганистане). Признаки этнического характера войны были отчетливо различимы в июне 1993 г.; так например, на нескольких домах в колхозе «Туркменистан» (переименованном в «Хакикат» — «правда» по-таджикски) Вахшского района Хатлонской области были надписи типа: «Это узбекский дом, не трогайте».⁷ По оценкам UNHCR, только в двух районах с населением в общей сложности почти 200 тыс. человек — Шаартузе и Кабодионе — было разрушено 5 тыс. домов. В результате выселений эти и без того «узбекские» районы потеряли значительную часть своего таджикского населения, что способствует укреплению опасений части таджиков в связи с «пантюркистской» агрессией.

Гармцы и памирцы бежали от насилия в Душанбе, Гарм или на юг, к афганской границе. Сотни человек, как говорят, утонули во время переправы. Десятки тысяч жили в лагерях в условиях холодной погоды без крова, пищи и воды. Один из директоров колхозов в Курган-Тюбе утверждал 13 декабря, что ежедневно умирало 100 детей.⁸

Лагеря беженцев в северном Афганистане; набор и подготовка таджикских беженцев в вооруженных формированиях

К весне 1993 г. в северном Афганистане оставалось около 60 тыс. таджикских беженцев, главным образом гармцев из Курган-Тюбе. Несмотря на катастрофическое экономическое положение Афганистана, разрушенного 14-летней гражданской войной, мы не знаем ни одного случая, когда какой-либо человек или группировка в этой стране даже в минимальной степени протестовали бы против предоставления беженцам убежища в полном объеме.

Вопреки опровержениям Кабула, некоторые командиры формирований афганских моджахедов при поддержке арабских и пакистанских исламистов помогают радикально настроенным элементам таджикской оппозиции (главным образом ИПВ) вооружать и готовить часть беженцев к партизанским действиям. Этническое родство таджиков и широкое распространение фарси в северном Афганистане облегчают сотрудничество и общение, однако национальная солидарность таджиков или идея «Великого Таджикистана», как представляется, имеют пренебрежимо малое значение в сложной политической игре по обоим берегам Аму-дарьи. Боевикам ИПВ оказывают помощь все командиры: таджики, узбеки и пуштуны; в основе их действий лежат, по-видимому, факторы, связанные с исламистской идеологией и поддержкой, меняющимся соотношением политических сил в

Кабуле и соперничеством местных группировок.

Северный Афганистан, как и большая часть территории страны, находится фактически под контролем разного рода полевых командиров и главарей вооруженных формирований, а не центрального правительства. Две области, где находились таджикские беженцы, контролировались двумя разными властями. До мая 1993 г., когда UNHCR приступил к добровольной репатриации части беженцев, около 30 тыс. человек жили в г. Мазари-Шариф и его окрестностях — в районах, контролируемых генералом Абдул Рашидом Дустумом. Дустум — афганский узбек, мятеж которого против Президента Наджибуллы (на стороне которого он долгое время воевал) сыграл решающую роль в свержении бывшего коммунистического режима в апреле 1992 г. Он предоставил UNHCR, который уже располагал представительством в Мазари-Шарифе, доступ к беженцам. Дустум, выступающий как союзник Президента Узбекистана Ислама Каримова в регионе, не допускает какой-либо военной подготовки таджикской оппозиции на своей территории, несмотря на давление со стороны бывших моджахедов в этом районе, с которыми он эпизодически поддерживает сотрудничество.

К востоку от территорий, контролируемых Дустумом и его союзниками, расположены провинции Кундуз и Тахар. Кундуз непосредственно граничит с Курган-Тюбе, и, по оценкам UNHCR, в различных частях этой провинции находится около 30 тыс. таджикских беженцев. Тахар в значительной степени находится под контролем полевых командиров Джамаат-и-ислами (Исламского общества), которые объединены в Контрольный совет севера (КСС) под руководством министра обороны (бывшего полевого командира) Ахмад Шаха Масуда. Штаб-квартира КСС находится в Талукане, административном центре провинции Тахар.

Административный центр провинции Кундуз контролируется Амиром Чугаем, полевым командиром-пуштуном из Исламского союза за свободу Афганистана. Эта партия существует благодаря щедрой финансовой помощи радикальных исламистски настроенных арабов, особенно ваххабитских группировок Саудовской Аравии и Кувейта.

Город Имам Сахиб на берегу Амударьи (в северной части провинции Кундуз) в значительной степени находится под контролем полевых командиров-узбеков из Хезбе ислами (Исламской партии), радикальной организации, возглавляемой Гульбеддином Хекматиаром — пуштуном, уроженцем Имам Сахиба. Союзы между этими различными центрами власти быстро меняются.

Большинство беженцев в Кундузе и Тахаре получают помощь только от арабских и пакистанских фундаменталистов, так как UNHCR был вынужден отозвать своих сотрудников после серии конфликтов с местными властями, которым отчасти способствовал отказ первого предоставлять помощь, косвенным образом использовавшуюся для военной подготовки. От 3 до 5 тысяч молодых таджиков проходят военную подготовку под эгидой ИПВ в различных районах Кундуза и Тахара. КСС организует обучение партизан в Талукане (где расположена штаб-квартира ИПВ в изгнании), Амир Чугай готовит их в Кундузе, а полевые командиры Хекматиара — в Имам Сахибе.⁹ Те, кто осуществляет такого рода подготовку, получают вознаграждение в виде помощи от арабских и пакистанских исламистов.

Напряженность, ставшая причиной высылки сотрудников ООН, была отчасти связана с этой подготовкой, так как международные нормы не допускают совмещения такого рода действий с предоставлением гуманитарной помощи. Представители UNHCR настаивали на том, что афганские и таджикские моджахеды не могут использовать международную гуманитарную помощь и связанные с ее предоставлением объекты для вербовки и обучения боевиков из среды беженцев. Этот аргумент звучал недостаточно убедительно, так как в течение более десяти лет те же самые организации афганских моджахедов занимались именно этим в лагерях беженцев под эгидой UNHCR на территории Пакистана.¹⁰

Боевики, однако, опираются не только на иностранную помощь и содействие в подготовке. В

некоторых районах северного Афганистана выращивают опиум, и главарь вооруженных формирований используют торговлю наркотиками как источник финансирования и основу для создания независимых центров власти.¹¹

Начиная с весны, небольшие группы боевиков периодически совершали рейды в Таджикистан с баз на афганской территории. В ходе столкновения на границе 3 мая ракетой «Стингер» был сбит истребитель СУ-24, переведенный в Таджикистан из ВВС Узбекистана.¹² 14 июля 1993 г. силы оппозиции предприняли масштабное наступление через Амударью на территорию Куляба, убив 100-200 сельских жителей и 25 российских пограничников. В ответ Россия нанесла артиллерийские удары по афганским деревням и пошла на наращивание своего военного присутствия в Таджикистане. Она направила дополнительный контингент в 10 тыс. человек, в результате чего общая численность сил на границе составила 15 тыс. человек.¹³ На встрече 7 августа в Москве президенты России, Таджикистана, Узбекистана, Кыргызстана и Казахстана подчеркнули свою «коллективную ответственность» за обеспечение нерушимости границ. Каждая из стран обещала направить на границу по меньшей мере один батальон.¹⁴

Противодействие репатриации

Политические силы внутри Афганистана, поддерживающие военные усилия таджикской оппозиции, пытаются заблокировать или помешать процессу репатриации. 21 мая один из полевых командиров Хезбе ислами, партии Президента Афганистана, и несколько других лиц (по одним данным, Давлат Усмон из ИПВ, по другим — полевой командир, отколовшийся от Дустума) проникли на территорию лагеря Сахи, где настоятельно призывали беженцев не возвращаться, но продолжать борьбу за исламский Таджикистан. Аналогичное сообщение поступило из Ташкургона. Вскоре после этого, 22 мая, грузовики с первой группой возвращающихся в Таджикистан беженцев из лагеря Сахи были остановлены на контрольном пункте боевиками Джамаат, верными министру обороны Афганистана Масуду. Генерал Дустум приказал выдвинуть танки к контрольному пункту Джамаат. Противостояние мирно разрешилось спустя примерно три часа, когда грузовикам было позволено продолжать путь.

После этого Дустум пообещал пресекать в дальнейшем любое давление на беженцев, имеющее целью помешать их возвращению. В ходе последовавшей за этим встречи в лагере Сахи первый Президент Исламского государства Афганистан Сибгатулла Моджаддеди, вместе с Саид Мансуром Надири, лидером афганской общины исмаилитов, и двумя генералами Дустума призывали беженцев свободно решить вопрос о возвращении.

В Кундузе бывший командир одного из формирований ИПВ из Шаартуза, известный под именем Али, использовал силу, пытаясь прервать процесс репатриации.¹⁵ В настоящее время под командой Али находятся примерно 150 вооруженных людей в провинции Кундуз. В марте он пытался остановить проходившие там переговоры о репатриации беженцев. Как сообщают, он направил свои пулеметы на нескольких беженцев прямо перед представителями UNHCR, тяжело ранив по меньшей мере одного. На момент написания настоящего доклада он продолжал получать помощь и поддержку от основных влиятельных группировок в Кундузе.

Репатриация беженцев и вынужденных переселенцев.

Принудительная репатриация

Большинство внутренних беженцев, которые вернулись домой, сделали это самостоятельно, без какого-либо принуждения или помощи. К концу марта, однако, правительство Таджикистана приняло решение о высылке значительного числа из 30-40 тыс. беженцев, находившихся в Душанбе — городе с населением около 600 тыс. человек. За неделю до весеннего новогоднего праздника (Наврुза) 21 марта правительственные войска выдворили

из Душанбе беженцев, в том числе целые семьи, и в принудительном порядке посадили их на поезд, направлявшийся на юг, в Курганк. По некоторым сообщениям, безопасность в ходе проведения операции обеспечивали российские войска.

Возвращающиеся беженцы, с которыми мы беседовали в Кабодионе, утверждали, что возвратились бы добровольно, если бы имели гарантии безопасности, однако они опасались продолжения преследований.¹⁶ Их опасения оказались оправданными. Принудительное возвращение привело к конфронтации и вспышкам насилия в отношении возвращающихся. Впоследствии, учитывая этот опыт и давление со стороны международных организаций, правительство, как представляется, прекратило принудительное возвращение.

Роль ООН

15 мая 1993 г. представители Узбекистана, Таджикистана и Афганистана в ходе встречи с представителями UNHCR одобрили проект четырехстороннего соглашения о репатриации таджикских беженцев в Афганистане. Хотя соглашение все еще не подписано и не ратифицировано, на его основе устанавливаются принципы проведения репатриации. Соглашение призывает стороны-участницы уважать при обращении с беженцами все права человека. В нем подтверждается право на добровольное возвращение при наличии гарантий безопасности, свободы и уважения достоинства без риска подвергнуться наказанию, притеснениям, дискриминации или ограничению свободы передвижения и содержатся гарантии предоставления UNHCR полного допуска ко всем беженцам и возвращающимся.

Как отмечалось выше, UNHCR в настоящее время не имеет доступа ко всем беженцам в Афганистане; его представителей не допускают к беженцам в Кундузе, за исключением тех, кто находится в Шерханбандаре. С целью обеспечить доступ к возвращающимся беженцам UNHCR организовал три своих отделения на местах в юго-западной части Курган-Тюбе. UNHCR определяет полномочия этих представительств как распространяющиеся на всех возвращающихся беженцев: находившихся внутри или за пределами территории Таджикистана. Представители Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч и ПЦ «Мемориал» посетили эти представительства, расположенные в Колхозабаде (отвечает за районы: Колхозабад, Вахш и Джиликуль), Шаартузе (отвечает за районы: Шаартуз и Кабодион) и Дусти (отвечает за районы: Кумсангир и Пяндж). В каждом представительстве работают по два сотрудника из числа международного персонала, которые, как представляется, пользуются полной свободой передвижения и доступом к возвращающимся беженцам и представителям местных властей.

Группа сотрудников UNHCR в Афганистане занималась формированием партий беженцев, возвращавшихся в одну местность, считая, что возвращение в составе большой группы обеспечит определенную степень безопасности. Принимались заявления на возвращение только в те районы, где, по мнению UNHCR, возвращающиеся беженцы могли бы рассчитывать на минимальную степень защиты, хотя, как указывалось выше, нельзя сказать, чтобы где-либо положение дел с обеспечением их безопасности было удовлетворительным. UNHCR полностью контролировал транспортировку в ходе всего процесса репатриации, однако в вопросах обеспечения безопасности приходилось полагаться на принимающее правительство (или командиров вооруженных формирований).

В начале июня существовало два основных маршрута возвращения беженцев. Репатриантов в Мазари-Шарифе отправляли на грузовиках UNHCR из лагеря Сахи. Затем их доставляли на железнодорожный терминал в афганском порту Хайратон, откуда они на поезде следовали через Термез (Узбекистан) в Шаартуз (Таджикистан). Репатрианты из Шерханбандара пересекали Амударью на пароме, попадая в порт Нижний Пяндж. После регистрации их развозили по местам на автобусах.

В период с марта по 28 мая 1993 г. из Кундуза, по данным регистрации, вернулись 2 237

беженцев. 4 июня в Нижнем Пяндже представители Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч беседовали с некоторыми из 206 человек, вернувшихся в тот день. В субботу 22 мая через Узбекистан прибыл из Мазари-Шарифа первый поезд с 304 беженцами, возвращающимися в Шаартуз. Второй поезд на следующей неделе доставил около 500 человек. Максимальная пропускная способность была установлена на уровне 1 тыс. человек каждым поездом.

Сравнительно небольшие объемы репатриации были обусловлены, как утверждали в UNHCR, не проблемами материально-технического обеспечения, но прежде всего недостаточной защитой беженцев в ряде районов, а также их собственным недостаточным знанием ситуации, которая ожидает их по возвращении. Председатель рабочей группы Верховного Совета Таджикистана по репатриации беженцев, утверждал, что лучшая информированность рассеяла бы опасения беженцев, что они могут быть убиты после возвращения. Встречи с беженцами показали, что многие не знают о степени разрушения, которому подверглись их дома и имущество, так как они ушли, не дожидаясь прихода вооруженных отрядов Народного Фронта. Так например, один из репатриантов в транзитном пункте сказал представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, что уверен, что все нынешние жители его кишлака «Ленин Юли» — это пришельцы, занявшие пустующие дома беженцев.¹⁷ Тремя днями ранее, однако, представители Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч посетили «Ленин Юли» и не обнаружили никого в покинутых домах по той причине, что там не осталось ни одного целого дома.

С целью обеспечения беженцев более полной информацией UNHCR и правительство Таджикистана рассматривали в начале июня 1993 г. вопрос о направлении делегаций возвратившихся беженцев к людям, остававшимся на территории Афганистана, и о приглашении представителей беженцев из Афганистана в районы, покинутые ранее.

Защита возвращающихся беженцев и восстановление

С целью оценить степень защиты и масштабы помощи, предоставляемой беженцам, представители Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч и ПЦ «Мемориал» посетили объекты в районах Вахш (колхоз «Туркменистан», ныне «Хакикат»), Кабодион (колхоз «Коммунизм») и Шаартуз (колхоз «Ломоносов»). Мы также получили информацию о ситуации в районах Джиликуль, Колхозабад и Кумсангир, однако не имели возможности непосредственно ознакомиться с положением на местах.

В районах на юго-западе Хатлонской области, куда возвращаются беженцы, многие представители новой местной администрации, которые отвечают за обеспечение их безопасности, являются бывшими командирами Народного Фронта. Власть на местах в настоящее время находится полностью в руках сторонников нынешнего правительства (узбеков, кулябцев и местных таджиков), в то время как бежавшие гармцы практически не представлены. Один из таких должностных лиц, получив информацию о планируемой репатриации, как утверждают, сказал: «Пожалуйста, привезите их обратно. Мы не смогли перебить их всех раньше».¹⁸ Хотя некоторые представители местной администрации, как представляется, искренне стремятся защитить беженцев и помочь им, вызывает недоверие то обстоятельство, что власть находится в руках бывших лидеров формирований, от которых бежали люди, возвращающиеся сейчас домой.

Министерство внутренних дел в Душанбе сформировало отдельный батальон для защиты беженцев, главным образом направляя силы МВД из различных частей Таджикистана на усиление местной милиции. В основе этой стратегии лежало стремление уменьшить долю местных сотрудников в каждом подразделении, которые могли бы испытывать ненависть или стремились бы отомстить своим землякам. МВД Таджикистана утверждал в июне, что с момента создания этого батальона зафиксировано только два случая насилия в отношении возвращающихся беженцев, и что даже пострадавшие в этих инцидентах были из числа тех,

кто вернулся самостоятельно, минуя каналы ООН. Эта оценка не соответствует выводам, к которым пришли представители ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч.

Притеснения

После возвращения домой бывшие беженцы и вынужденные переселенцы продолжают сталкиваться с различными формами притеснений и недостаточной помощью. Эти проблемы на начальном этапе стояли настолько остро, что некоторые представители UNHCR на местах в Таджикистане выступали за временную приостановку репатриации после прибытия первого поезда. Другие считали, что постоянный приток ограниченного количества беженцев дает мировому сообществу возможность оказания давления на местные власти с целью обеспечения соответствующей защиты и помощи.

В основе большей части притеснений и насилия по отношению к возвращающимся беженцам лежит этническая и политическая напряженность между возвращающимися гармцами, которые все еще олицетворяют свергнутую «оппозицию», и оставшимися на месте сторонниками Народного Фронта, среди которых большинство составляют узбеки и местные таджики. В ряде районов (особенно в Вахше) кулябцы, пришедшие с войсками Народного Фронта, захватили руководящие должности и поселились в домах, оставленных беженцами. По данным UNHCR, в некоторые места, покинутые беженцами, приезжают также узбеки из Узбекистана. Многие бывшие боевики Народного Фронта оставили у себя оружие вопреки политике правительства, направленной на их разоружение или привлечение на службу в регулярные подразделения сил безопасности.

В мае и июне — начало процесса репатриации — несколько возвратившихся беженцев были похищены или убиты. Значительно большее их количество пострадало от притеснений в более легкой форме (побои, кражи, угрозы). У нас нет сообщений о такого рода действиях со стороны представителей власти, однако в ряде случаев действия последних по пресечению нарушений представляются недостаточными, будь то вследствие недостатка политической воли или неэффективности руководства. Иногда вмешательство должностных лиц прекращало притеснения, но страх продолжал оставаться серьезным фактором, ограничивавшим активность репатриантов. В июле и августе имело место значительное увеличение масштабов нападений на беженцев, 15 возвратившихся беженцев были убиты в районах Шаартуз и Кабодион.¹⁹

Уничтожение имущества и реституция

Почти все репатрианты живут в мечетях — главном общественном здании в каждом кишлаке. Обычно мечеть имеет площадь около 150 кв.м, просторный двор, не имеет водоснабжения и вмещает до 200 возвратившихся беженцев. Последние вынуждены жить в мечетях, потому что в ноябре 1992 г. силы Народного Фронта и местные жители разрушили практически все дома, принадлежавшие бежавшим гармцам. Они сняли железные крыши, перекрытия потолка, двери и окна и разграбили все имущество. В некоторых случаях они также свалили или сожгли стены. Разрушению подверглись водяные насосы, каналы были засыпаны мусором.²⁰ Хотя не все разрушения имели в основе политические или «этнические» мотивы (в обстановке анархии с ноября 1992 г. по январь 1993 г. происходило всеобщее разграбление), систематический и законченный характер разрушений свидетельствует о том, что в большинстве случаев мишенью были гармцы и памирцы и что это не было результатом боевых действий. До настоящего времени репатриантам не удалось получить строительные материалы или инструменты, остающиеся крайне дефицитными во всей Центральной Азии.

Немногие уцелевшие дома были затем большей частью заняты или захвачены бойцами Народного Фронта (как кулябцами, так и местными жителями). Так например, представительство UNHCR в Шаартузе арендовало помещение у сына председателя

горисполкома. Впоследствии сотрудникам стало известно, что после войны председатель горисполкома переоформил дом находившегося в лагере Сахи беженца на имя своего сына.

По закону об амнистии, принятому для обеспечения возвращения беженцев, правительство обещало им материальную помощь, в том числе заработную плату, пособия, беспроцентные кредиты до 100 тыс.руб. и оформление удостоверений личности. Беженцы, утратившие документы, могли получить новые при наличии двух свидетелей. Их имущество подлежит возвращению. В реальности многое из того, что предусмотрено законом, отсутствует. Более того, нет даже достаточного количества экземпляров текста закона; в начале июня даже UNHCR не располагал текстом закона, не говоря уже о беженцах. Поэтому последние не знают своих прав по закону. Местные власти сделали очень мало, в большинстве случаев вообще ничего, чтобы подготовиться к возвращению беженцев или восстановительным работам. Достаточно трудно, однако, отличить политическое сопротивление от проблем, вытекающих из экономического кризиса, от которого страдает все население страны.

Более того, местные и центральные власти не предприняли ничего для компенсации беженцам ущерба от потери имущества, возвращения имущества от завладевших им или возбуждения уголовных дел против виновных в кражах. По крайней мере в одном районе (Кабодион) принудительно возвращенным вынужденным переселенцам позволили вернуться в свои колхозы только после того, как они согласились не требовать возвращения утраченной собственности. При встрече с представителями Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч и ПЦ «Мемориал» заместитель генерального прокурора республики Толиб Бобоев, отвечая на вопрос о разграблении и уничтожении имущества, сказал только: «На войне законы не действуют».²¹ Он отметил, что в Курган-Тюбе работает следственная группа, однако нет признаков того, что Генеральная прокуратура рассматривает какие-либо действия сторонников правительства как подсудные. Прокуратура не применяет оправдательный тезис: «На войне законы не действуют», — в отношении оппозиции.²²

По данным UNHCR, конфискации подверглась не только индивидуальная, но и коллективная собственность беженцев. В ряде случаев имела место передача земли из колхозов, где осталось мало людей. Когда беженцы возвращаются, они обнаруживают, что земли в колхозе стало меньше, и те, кто остались, не собираются делиться ей с возвращающимися.

Притеснения, обеспечение безопасности и вопросы собственности по районам

Джиликуль

По данным UNHCR, председатель райисполкома района Джиликуль, врач и бывший лидер Народного Фронта, разоружил всех боевиков и эффективно осуществляет защиту возвращающихся беженцев. Тем не менее, 31 мая 1993 г. сотрудники UNHCR получили сообщение о том, что одного из возвратившихся избili. Представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч сказали, что были приняты соответствующие меры для предотвращения повторения подобного в будущем, однако мы не смогли получить более подробную информацию.

Кумсангир

В начале июня 1993 г. этот скудный и малонаселенный район все еще не полностью находился под контролем правительства. Зимой здесь разбили лагерь беженцы, направлявшиеся в Афганистан, а в июне эта территория использовалась в качестве базы как недовольными бывшими боевиками Народного Фронта, так и моджахедами ИПВ, проникавшими обратно с территории Афганистана. В июне около 60% района, как говорили, находилось под контролем МВД Таджикистана, а 30% контролировалось Саид Шахом,

бывшим командиром формирования Народного Фронта. Саид Шах утверждал, что выполняет задачу по охране границы, выступая от лица республиканского КНБ. Местное население, по сообщениям, организовалось для защиты от обеих вооруженных группировок.

11 мая Саид Шах похитил одного из возвратившихся. Утверждали, что похищенный был ранее боевиком оппозиции, приговоренным до ухода в Афганистан к девяти годам тюремного заключения за убийство. Согласно сообщению, полученному UNHCR, 31 мая люди Саид Шаха избили нескольких возвратившихся беженцев, один человек погиб. Подробности не сообщались.

Вахш

Представители Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч и ПЦ «Мемориал» беседовали с бывшими вынужденными переселенцами, которые жили в двух мечетях в кишлаке Пролетарская, колхоз «Туркменистан» (в настоящее время — «Хакикат»). Эти люди ранее бежали отсюда в Душанбе или Кумсангир. Те, кто ушли в Афганистан (в основном молодые мужчины), не возвратились. Беседы проходили в присутствии невооруженных охранников-кулябцев, которые, как предполагается, должны защищать беженцев. Они периодически вмешивались в разговор, убеждая нас, что все в порядке. Беженцы указали нам охранников, по-видимому, не испытывали особого беспокойства, но откровенно говорить в их присутствии опасались.

Узбеки преобладают среди местного населения этого района, и по дороге к мечетям мы видели несколько домов с охранными надписями, обозначающими их как «узбекские».²³ Политическое насилие имело наиболее ожесточенный характер в этом колхозе, родине известного (покойного) командира Народного Фронта Файзали Саидова, где, как сообщают, была убита его семья. По словам гармцев, в период нахождения «оппозиции» у власти несколько человек из этого колхоза занимали посты в местной администрации и организовывали демонстрации в гармских кишлаках под охраной вооруженных людей. По меньшей мере 60 человек были убиты здесь во время боев в ноябре-декабре 1992 г.²⁴

По полученным Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч сообщениям, 2 мая 1993 г. были убиты пять человек, возвратившихся в колхоз «Туркменистан». Репатрианты заявили представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, что в тот день около полудня «кулябцы с автоматами» убили 45-летнюю Нису Хабибовну Мишкин и ее 10-летнюю дочь Савлат. Один из них рассказывал нам:

«Здесь многих убили. 2 мая кулябцы убили двух женщин. Это были воры, слонявшиеся в поисках имущества. Это было в полдень, в обед. Никто не знает, что случилось. Их убили из автоматов».

Сотрудники организации «Врачи без границ» сообщили также, что несколько молодых женщин подверглись здесь изнасилованию.²⁵

В одной из групп беженцев нам сказали, что вечером 25 мая люди в масках с автоматами пришли и ограбили их, забрав много одеял и ковров. Беженцы из другой группы в том же колхозе сообщили, что в апреле полученная ими гуманитарная помощь была в тот же день отнята вооруженными людьми. Одна из женщин рассказывает:

Мы живем в сожженных домах. Они проходили и говорили всем собраться в мечети. Мы пошли, тогда они все украли. Мы не знали их, они не были в форме. Они взяли три коробки. Это было в тот же день, когда мы их получили. У нас даже не было времени ничего использовать. Они стали угрожать нам ножами и пистолетами. Нам некуда жаловаться, и никто не спрашивает нас [есть ли у нас проблемы].

Возвратившиеся беженцы опасались покидать кишлак или выходить на дорогу, боясь быть избитыми. Они говорили представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, что боятся работать на полях или ходить на базар или в больницу. Некоторые возобновили работу на колхозных полях, но многие боялись выходить. Пожилой человек сообщил представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч, что женщину с 13-летним ребенком избили вскоре после возвращения. После нескольких инцидентов такого рода, однако, местные власти установили контрольные пункты, и, по словам беженцев, инциденты прекратились.

Основными проблемами, о которых говорили возвратившиеся беженцы, были недостаточность помощи (каждый получил по 3 кг пшеницы от МККК и немного макарон. Кроме того правительство выделило по 2 тыс. рублей на человека и по 4 тыс. рублей на семью, однако не все еще получили эти деньги) и захват их домов кулябцами. Особый акцент беженцы делали на последнем. Их письменное обращение к властям с просьбой освободить дома не принесло никаких результатов. Впоследствии они направили в облисполком Хатлонской области письмо, в котором говорилось:

Доводим до Вашего сведения, что мы стали беженцами в период с 16 сентября 1992 г. по 1993 г. и возвратились из Кумсангира и Душанбе. Однако другие люди из Московского района Куляба пришли и заняли наши дома. Мы в настоящее время живем в мечети и на развалинах... Мы просим вернуть нам наши дома.²⁶

В письме были перечислены 14 семей, в общей сложности 145 человек, чьи дома были заняты. Беженцы утверждали, что власти отказались зарегистрировать это письмо.

Один из бывших беженцев в другом кишлаке того же колхоза заявил представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч:

Дома, которые остались целыми, там живут другие люди. Мы их не знаем. Один — бригадир в колхозе, работает в поле. Хозяева других домов только что вернулись. Занято семь домов. Однажды, когда человек вернулся, он увидел, что дом занят, и снова ушел. Я не знаю, что собираются делать хозяева.²⁷

По словам возвратившихся беженцев все, даже небольшие руководящие должности в колхозе сейчас заняты кулябцами или узбеками. Кроме того, возвращающиеся беженцы жаловались представителям ПЦ «Мемориал» на нехватку лекарств и медицинской помощи. Среди них имели место кишечные заболевания, от которых умерли несколько детей.²⁸

Кабодион

В 1992 г. гармцы заняли большинство должностей в местной администрации в Кабодионе. Этот район стал местом боев в октябре и ноябре. Еще ранее, с июня 1992 г., добровольцы из Кабодиона отправлялись сражаться в районы близ г. Курган-Тюбе. Многие потеряли родственников, обе стороны прибегали к жестокой тактике. Межэтническая напряженность резко обострилась, особенно между узбеками и гармцами. По словам возвратившихся беженцев, 6 ноября 1992 г. узбеки и местные таджики стали поджигать дома и выгонять их. Кулябцы пришли позже, после их ухода. Люди из этого района бежали, главным образом, в Душанбе. Оттуда, как нам говорили, часть молодых мужчин ушла в Афганистан.

19 марта несколько поездов с выдворенными из Душанбе беженцами высадили в Кабодионе на открытой местности без воды и электричества. Несколько человек умерли от перегрева или болезней, в том числе дети. Возвратившихся людей окружили толпы местных узбеков и арабов, которые не давали им пройти к городу или возвратиться в свои колхозы.

Возвращающихся беженцев согнали на три дня на стадион, где продолжались избиения.²⁹

Представителям райисполкома, который, как представляется, не был заранее поставлен в

известность о прибытии беженцев, урегулировали конфликт через три дня. По словам заместителя председателя райисполкома Турсун Алимардановой, местные власти пытаются убедить население в том, что беженцы — это невинные люди, и что они должны уважать решение правительства вернуть их домой.³⁰ Беженцы заявляют, что администрация колхозов, где должности захватили местные узбеки, настаивала на том, что «все, что бы ни было взято из наших домов, тракторы, сельхозтехника — мы не можем требовать возвращения этого. Эти вещи были взяты местными, кто живет здесь».³¹ На этих условиях 22 марта вынужденным переселенцам разрешили вернуться домой. 24 марта командир Народного Фронта Сангак Сафаров, который, несмотря на его роль в период гражданской войны, выступил инициатором возвращения беженцев, посетил Кабодион с целью успокоить ситуацию. Беженцы отнеслись к Сафарову как к находящемуся на их стороне.

В течение апреля беженцы подвергались постоянным притеснениям. По оценкам сотрудников UNHCR, ежедневно жертвами избиений становились от 20 до 30 беженцев. В мае делегация UNHCR обратилась с просьбой к вице-президенту Достиеву посетить этот район. После его приезда 12-13 мая UNHCR отметил уменьшение числа избиений до примерно пяти случаев в неделю.

В большинстве случаев представители ПЦ «Мемориал» и Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч беседовали в Кабодионе с беженцами, вернувшимися из Душанбе.³² Наши собеседники все еще боялись выходить после семи часов вечера и жаловались на притеснения и побои. Они подтвердили, тем не менее, что имеет место некоторое улучшение положения. Один из беженцев после жалоб на то, что узбеки захватили все должности и оборудование в колхозе, рассказал о следующем случае:

Эти две женщины [указывает] на прошлой неделе пошли к местному начальнику милиции [после приезда Достиева]. Одна из них — сирота. У нее нет родных. У другой убили отца. Один из их соседей — узбек — пришел и сказал, что убьет ее брата. У их матери высокое давление. Она спросила его: «Почему вы хотите убить его? Что мы сделали?» Он только сказал: «Вы умрете, и черт с вами». Значит, они пошли к начальнику милиции и написали заявление. Начальник милиции сказал, что разберется. Соседа-узбека арестовали. Когда его арестовали, у него дома нашли пулемет, автомат и гранаты. Они забрали его ночью, его держат в КПЗ районной милиции. Теперь вот уже две или три ночи никто не приходит и не угрожает нам.³³

Разрушение домов в этом кишлаке носило настолько массовый характер, что осталось только два дома, пригодных для заселения. Одна местная узбекская семья предложила освободить помещение за 50 тыс. рублей (двух/трех-месячная зарплата). Все остальные дома лежали в руинах.³⁴

Возвратившиеся беженцы утверждали, что остававшееся местное население (в большинстве — узбеки) все вооружено. Представители властей допускали, что многие бывшие боевики Народного Фронта сохранили оружие. Они рассказали о координационном совете, образованном с целью попытаться убедить боевиков сдать оружие, и утверждали, что их действия приносят значительные результаты непосредственно во время нашего пребывания в Таджикистане. Сотрудники представительства UNHCR были настроены скептически в отношении этих утверждений. Районные власти также набрали 72 человека из местных жителей для формирования специального подразделения милиции по защите беженцев. Мы не имели возможности оценить эффективность его деятельности.

Шаартуз

По словам представителей местной администрации, до войны население района было на 55%

узбекским и на 38% таджикским, причем две трети последних составляли, по-видимому, гармцы.³⁵ Во время гражданской войны Шаартуз был ареной ожесточенных боев, именно там полевой командир «оппозиции» таджик Али убивал и подвергал пыткам гражданское население (см. выше).

В Шаартузе постепенная репатриация из Афганистана под контролем UNHCR позволила в большей степени упорядочить прием беженцев, и только незначительное число инцидентов, связанных с насилием или притеснениями, было отмечено в мае и июне. В июле-августе, однако, положение в Шаартузе осложнилось.

Холбой Ишматов, заместитель председателя исполкома Шаартуза, утверждал что власти собрали у боевиков все оружие, однако другие местные наблюдатели были настроены не столь оптимистично.³⁶

По мнению сотрудников представительства UNHCR, большинство боевиков как в Шаартузе, так и в Кабодионе сохранили оружие. В начале процесса репатриации Хазраткулов и Ишматов столкнулись, как сообщают, со своего рода бунтом боевиков Народного Фронта, находившихся ранее под их командованием. Последние были недовольны сотрудничеством своих бывших командиров с ООН в деле возвращения гармцев, за изгнание которых они сражались. Дома беженцев были большей частью заняты боевиками, уязвленными тем, что им не были предоставлены посты в местной администрации.

Еще в апреле местные власти организовали специальное подразделение милиции в подчинении МВД для защиты беженцев. 1 июня, как нам сообщили, оно насчитывало 85 сотрудников, что могло быть увеличено до 100 человек. По нашим наблюдениям, достаточно беглым, эффективность этого подразделения была невелика как по причинам политической пристрастности, так и в силу недостаточно жесткого контроля.

В этом районе были отмечены случаи притеснений беженцев. Некоторые, как сообщали, боялись выходить. Дети на улице говорили детям беженцев, что убьют их; как заметил один из наблюдателей в беседе с представителями Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч: «Я думаю, они просто повторяют то, что говорят дома взрослые». В целом, однако, ситуация здесь отличалась меньшей напряженностью, чем в Кабодионе и Вахше. За время нашего пребывания мы ничего не слышали об убийствах или избиениях беженцев в Шаартузе.

В Шаартузе представители Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч беседовали с беженцами из Афганистана, живущими в кишлаках «Партизан» и «Ленин Юли» («Путь Ленина» по-узбекски) колхоза «Ломоносов». Беженцы, живущие в мечети в кишлаке «Партизан», сказали, что у них нет проблем с местным населением. Действительно, во время беседы к ним приходили несколько местных узбеков и спрашивали их о запасах воды. Последние были недостаточны, и представитель UNHCR в Шаартузе сказал, что постарается исправить положение. Люди работали на колхозных полях и говорили, что никто им не угрожал.

В кишлаке «Ленин Юли», тем не менее, группа женщин возбужденно рассказала представителям Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч о том, что им угрожали за несколько часов до нашего прибытия. Их семьи живут в палатках на месте разрушенных домов. Несколькими часами ранее группа из шести человек, оставив грузовик на шоссе, подошла пешком к кишлаку. Четверо были в форме, двое — в штатском, у них были автоматы:

Они напугали детей и спросили, есть ли у нас здесь мужчины. Мы сказали: «Нет». Они спросили: «Где они?» Мы сказали, что они ушли разгрузить вещи, но они настаивали, что мы спрятали их. Потом они спросили, есть ли у нас дочери. Я сказала, что нет, она замужем. Они настойчиво требовали девушку. Они были пьяны.³⁷

После еще нескольких угроз эти люди уехали. Они никого не били. Охрана из подразделения

милиции по защите беженцев отсутствовала и, по-видимому, не появлялась несколько дней. После этой встречи представители Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч проследовали в районный центр, где сообщили о происшедшем заместителю председателя райисполкома Ишматову. Три дня спустя местные власти сообщили сотрудникам UNHCR, что женщины назвали тех, кто угрожал им. Когда милиция допросила подозреваемых, последние все отрицали. Как явствует из отчета, который получили сотрудники UNHCR, милиция предупредила этих людей о недопустимости такого поведения в будущем. Никто не был арестован в связи с происшедшим.

В «Ленин Юли» все дома были уничтожены особенно тщательно, поэтому ни один из домов не был занят чужими. В целом по Шаартузу, однако, сотрудники UNHCR составили список из 15 домов возвратившихся беженцев, которые в начале июня все еще были заняты бывшими боевиками. Как представляется, местная администрация не имела определенной позиции. Представители власти отвечали согласием на просьбу об освобождении домов, однако затем направили хозяев домов в школу, которая использовалась как пункт приема беженцев. Местный прокурор подготовил ордер на освобождение домов. Председатель райисполкома Шаартуза обжаловал это решение перед полковником Олимовым из КНБ Узбекистана в присутствии сотрудников UNHCR. Олимов, как сообщают, просил председателя не выселять из занимаемых ими домов, принадлежавших беженцам, «пострадавших бойцов Народного Фронта» (т.е. тех, чьи дома были сожжены). На момент отбытия представителей Хьюман Райтс Вотч/Хельсинки Вотч сотрудники UNHCR продолжали работать над осуществлением вышеупомянутого распоряжения.

Складывается впечатление, что, как и в других местах, ничего не было сделано для подготовки к принятию беженцев: власти не подвели воду и не очистили каналы. Сотрудники UNHCR сталкиваются с трудностями при оценке потребностей района, так как «должностные лица утверждают, что у них все есть, и им ничего не надо, когда на деле им все нужно, и у них ничего нет». К примеру, во время нашего посещения представительство UNHCR уже неделю безрезультатно пыталось достать 100 лопат, чтобы вычистить каналы. В течение девяти месяцев они безуспешно пытались обеспечить строительные материалы. Это, однако, обычные проблемы для Центральной Азии, даже при отсутствии политического сопротивления.